М.Б. Мирский

“ДЕЛА ВРАЧЕЙ”: ПОЗОРНЫЕ ПРОВОКАЦИИ ПРОТИВ МЕДИЦИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (1929–1953)

Существует расхожее мнение, что такие гнусные понятия, как “врачи-бандиты”, и “врачи-убийцы” – это продукт “позднего сталинизма”, связанный с печально знаменитым “делом врачей” (1953 год). Правда, многие не без основания относят их появление к 1938 году, когда на процессе “правотроцкистского блока” были осуждены профессора и врачи Д.Д. Плетнев, Л.Г. Левин, И.Н. Казаков.

Неправы и те, и другие. Дело в том, что эти словосочетания, несовместимые с элементарной человеческой логикой и своей безнравственной, антигуманной сутью глубоко оскорбляющие всех, кто причастен к медицинской профессии, вошли в советскую жизнь еще раньше, в 1929 году – в год “великого перелома”.

Первое “дело врачей”

22 ноября 1929 года в советских газетах появилось сообщение ГПУ УССР о раскрытии “заговора украинских контрреволюционеров и националистов” из так называемого СВУ – “Спилки визволення України” (“Союза освобождения Украины”). [1] Это было только начало. А уже в январе-феврале 1930 года газеты Харькова (тогда – столицы Украины), Киева, Днепропетровска, Одессы и других городов Украины начали публиковать сообщения об арестованных заговорщиках под характерными, не допускающими иной трактовки заголовками, такими, например, как “Под знаменем контрреволюции” [2]. “Вражеский заговор”, раскрытый доблестными украинскими чекистами, быстро обрел всесоюзную известность, им заинтересовалось высшее руководство страны. Так, 16 февраля 1930 года на общегородском собрании ИТР и научных работников Москвы выступил с докладом, занимавший, как вскоре выяснилось, последние недели должности председателя Совнаркома СССР (но даже тогда же подозревавший о своем трагическом, через несколько лет, конце) А.И. Рыков. Среди прочего он упомянул и об Украинской академии наук – именно там, по его словам, действовала контрреволюционная “группа Ефремова”, в которую входил, в частности, профессор медицины Подгаецкий. Это заявление тогдашнего главы советского правительства А.И. Рыкова было сделано задолго до вынесения приговора вновь

выявленным контрреволюционерам и даже еще до начала судебного процесса над “группой Ефремова”.

Следствие по делу “группы Ефремова” продвигалось весьма успешно и уже в конце февраля был обнародован состав Верховного суда УССР, которому предстояло рассмотреть деятельность выявленных контрреволюционеров – “дело СВУ”. Председателем суда был А.Т. Приходько, а членами – проф. Волков, рабочий Коробенко, проф. Соколянский, крестьянин Одинец, рабочий Мухаи крестьянка Корженкова. Шел 1930 год, до пресловутых “троек” и “специальных военных присутствий” дело еще не дошло, врагов-контрреволюционеров должен был судить “народный трибунал” – рабочие, крестьяне, интеллигенты.

Наконец, 9 марта 1930 года в переполненном зале Харьковского государственного оперного театра открылся процесс по “делу СВУ”. Важность процесса подчеркивалась тем, что он транслировался по радио (тогда это было большой редкостью).

На скамье подсудимых оказались 45 обвиняемых – видные представители украинской интеллигенции во главе с вице-президентом ВУАН (Всеукраинской академии наук) известным ученым С.А. Ефремовым. Подчеркивалось, что *“почти все обвиняемые принадлежат к буржуазной интеллигенции”* [3] – в то время это сразу же давало им негативную окраску. Но главное состояло в том, что, как было объявлено, все они входили в контрреволюционную организацию СВУ, которая имела своей задачей свергнуть советскую власть на Украине посредством вооруженного восстания и установить капиталистическо-буржуазный строй.

Обвинительное заключение поддерживали сотрудники республиканской прокуратуры, но “первую скрипку” играли не они, а видный партийный деятель П.П. Любченко – он, как было объявлено, выступал в качестве “главного общественного обвинителя (от ВЦСПС)”.

Среди 45 подсудимых было пятеро врачей – А.Г. Черняховский, руководитель медицинской секции ВУАН, и члены секции А.А. Барбар, В.В. Удовенко, В.Я. Подгаецкий и Н.А. Кудрицкий. Все они были известными на Украине людьми, опытными и эрудированными специалистами-медиками.

Самым старшим среди обвиняемых медиков был 60-летний Александр Григорьевич Черняховский, представитель известной врачебной династии (его братья были профессорами-хирургами). Окончив медицинский факультет Киевского университета, он посвятил себя гистологии и вскоре стал видным ученым: известны, например, его очень тонкие исследования нервных клеток. Как специалист-гистолог, он работал в лаборатории испанского ученого, нобелевского лауреата Рамон-и-Кахаля. С 1919 года профессор А.Г. Черняховский заведовал кафедрой гистологии и эмбриологии Киевского медицинского института – читал лекции студентам, обучал аспирантов, вел научные исследования. Естественно, что, будучи представителем теоретической специальности, медицинской практикой и лечением больных он не занимался.

Далек сравнительно от клинической медицины был и 40-летний Владимир Яковлевич Подгаецкий. Воспитанник Петроградской военно-медицинской академии, он в 1923 году основал в Киевском медицинском институте кафедру гигиены труда и много внимания в своих научных исследованиях уделял различным проблемам гигиены сельскохозяйственного производства. Понятно, что лечением больных он как ученый-гигиенист не занимался.

Гигиенистом был и 49-летний Владимир Васильевич Удовенко. После окончания медицинского факультета Киевского университета он несколько лет работал в Бердичевском уезде, где занимался главным образом вопросами санитарии и гигиены. В 1923 году стал профессором, заведующим кафедрой общей гигиены Киевского медицинского института. Медицинской практики у него не было.

50-летний Аркадий Алексеевич Барбар и 37-летний Николай Антонович Кудрицкий были научными сотрудниками ВУАН и одновременно преподавали в Киевском медицинском институте: один был старшим ассистентом, а другой – профессором. И они тоже в своей практической деятельности не были связаны с лечением больных.

Таким образом, на скамье подсудимых оказались врачи по образованию и ученые по роду выполняемой работы, представители теоретических медицинских специальностей. Важно подчеркнуть, что каждый из них был известным ученым-медиком, видным специалистом в своей области – об этом свидетельствовали их биографии, различные, как различны были эти люди. Впрочем, было в их биографиях и нечто общее. Все они были представителями старой интеллигенции, которую тогда, по указанию партийной номенклатуры, считали “буржуазной” и соответственно относились к ней как к чужеродному элементу.

“Не относясь, в строгом смысле слова, к классу буржуазии, – писал в 1927 году нарком просвещения, воспитанный и высококультурный человек А.В. Луначарский, – профессура в большинстве своем примыкала к слою более или менее квалифицированной и хорошо оплачиваемой интеллигенции, а следовательно – к классам правящим” [4].

Гораздо более жестким было отношение к интеллигенции Н.В. Крыленко, тоже образованного и мыслящего человека, занимавшего должность генерального прокурора СССР. *“По самому существу своему, – утверждал он на процессе по поводу так называемого “Шахтинского дела”, – как обслуживающий, а не производящий социальный слой, интеллигенция всегда была осуждена на то, чтобы расслаиваться и тяготеть то к классу крупной буржуазии, то подниматься иногда на недолгое время до высот сочувствия рабочему классу ... Здесь перед нами, на скамье подсудимых, сидят классовые враги, посланные к нам извне, посланные буржуазией к нам в тыл, чтобы в тылу нашего строительства совершать вооруженные действия, согласно принципам и законам войны”* [5].

Вооруженные действия!... Но какие “вооруженные действия” могли совершать врачи – люди самой мирной профессии, причисленные почему-то к засланным в тыл диверсантам? Даже будь они и так называемыми “классовыми врагами”?

Вот как показательно объяснял, вернее, оправдывал это на склоне жизни, в своих мемуарах, Н.С. Хрущев: *“Тогда вообще было широко распространено недоверие к буржуазной интеллигенции, и отчасти это недоверие было оправданно. В первые дни революции интеллигенция, к сожалению, в большинстве не определила четко свою позицию и раскололась; часть эмигрировала, часть выжидала, часть саботировала, а некоторые активно включились в борьбу с советской властью, организуя даже вооруженное сопротивление... Поэтому в народе, особенно среди рабочих, было сильное “спецеедское”, антиспецовское настроение, и партийным организациям приходилось очень много затрачивать усилий, чтобы сдерживать его”* [6].

Трудно согласиться с тем, что недоверие к “буржуазной” интеллигенции было оправданно хотя бы отчасти, как вряд ли и партийные организации сдерживали антиинтеллигентские настроения: скорее, наоборот, власть предрасполагавшая создавала эти настроения.

Становившаяся все более безнравственной сталинская внутренняя политика выдвигала в качестве одной из основных задач поиска врагов, “вредителей”, якобы орудовавших во всех сферах народного хозяйства. В 1928 году состоялся первый публичный процесс “спецов-вредителей” (“шахтинское дело”): был дан старт прямым репрессиям против “буржуазной” интеллигенции, вставшей якобы на путь вредительства.

В тот раз перед судом предстали инженеры, работавшие в промышленности. Однако сразу же прозвучали призывы искать вредителей и среди других специалистов. *“С социальным составом в медвузах дело обстоит далеко неблагоприятно: партпрослойка там еще очень слаба, – писала, например, газета “Известия”. – Особенно это необходимо подчеркнуть в отношении научных работников ... Часто мы имеем перед собой консервативную, а иногда и классово-враждебно настроенную профессуру”*. Отсюда газета делала вывод: *“Мы не можем гарантировать что в отличие от других отраслей хозяйства в области здравоохранения исключена возможность вредительства. Нужна колоссальнейшая бдительность со стороны органов здравоохранения и наших союзных организаций”* [6а].

Бдительность, проявленная одной из “союзных организаций” – ГПУ – по отношению к пятерым украинским ученым-медикам, позволила установить, что в их биографиях оказалось немало “темных пятен”. Так, выяснилось, что Подгаецкий, Барбар, Кудрицкий и Черняховский – в прошлом социал-демократы, то есть предатели дела рабочего класса. Кроме того, Подгаецкий оказался бывшим членом Центральной Рады, а сын помещика Барбар – сотрудником министерства здравоохранения Украины во времена гетмана Скоропадского. Удовенко в царской России был земским врачом, а Черняховский

совсем недавно, в 1928 г., совершил поездки в Берлин и Мадрид, которые, конечно же, использовал для контактов с эмигрантами.

Правда, уже на суде скороговоркой прозвучали и факты другого рода. Например, адвокат Ривлин сообщил, что благодаря А.А. Барбару и другим товарищам три тысячи раненых красноармейцев, оставленных в Киеве после отступления Красной Армии, были признаны гражданскими больными и никто из них не пострадал [7]. Говорилось о том, что В.В. Удовенко, простой врач до революции, стал крупным специалистом-ученым и поэтому в 1923 году, при советской власти, получил кафедру экспериментальной гигиены. Приводились и некоторые другие факты, рисовавшие подсудимых отнюдь не как “врачей-бандитов”. Однако все это суд пропускал мимо ушей – доминировал суровый обвинительный тон.

Обвинение, которое было предъявлено на процессе в Харькове ученым-медикам, названным “членами медицинской группы СВУ”, поражало абсурдностью, нелепостью и чудовищной несообразностью. Оказывается, члены медицинской группы СВУ, обсуждая вопрос о том, как относиться к больным коммунистам, решили относиться к ним враждебно и вместо того, чтобы их лечить, уничтожать их. На предварительном следствии Барбар якобы так и заявил: *“Большевики жалости не вызывают и врачебной этики не заслуживают”*. Цитировались даже происходившие когда-то и где-то какие-то разговоры, что *“хорошо было бы во время болезни Ленина вредительскими мерами ускорить его смерть”*. Утверждалось, якобы *“на заседании медицинской секции говорили, что при лечении коммунистов можно, путем вливания различных химикалий во время операций, уничтожить больных”* [7а].

Вот как комментировались тогда в “Правде” – центральном органе партии и главной газете страны – первые, относящиеся к “медицинскому террору” показания, сделанные якобы подсудимыми на предварительном следствии: *“Интересны показания Ефремова по поводу медицинского террора, входившего в программу СВУ. Этот террор заключался в том, что врачи-члены СВУ должны были не лечить больных коммунистов, а уничтожать их. Несмотря на свои показания в этом духе, данные на предварительном следствии, теперь (т.е. во время начавшегося процесса – М.М.) Ефремов начинает отвиливать. Он уверяет, будто он “ничего не знает” об этом терроре. На предварительном следствии Ефремов сознался (!), что в разговорах с другими подсудимыми он осуждал тех врачей, которые лечат коммунистов, вместо того, чтобы их уничтожать, в частности, тех врачей, которые лечили Ленина после покушения на него, совершенного террористкой Каплан. Теперь Ефремов отрицает эти показания”* [8].

Можно предполагать, что эти “признательные показания” главному обвиняемому Ефремову попросту “приписали” во время предварительного следствия. Как приписали и подсудимым врачам, что они “не раз и весьма тщательно обсуждали вопрос, какими средствами лучше замаривать больных

коммунистов, попадающих на лечение к врачам-националистам, — средствами химии или бактериологии” [8a].

Сенсационную, будоражившую воображение информацию о вредительских действиях украинских врачей, об их практике “медицинского террора”, распространяли тогда различные газеты. Вот что писала, например, во время процесса газета “Комсомольская правда”, одна из центральных московских газет: “Медицинскую группу СВУ называли “черным кабинетом”. В “черном кабинете” уважаемые профессора и академики тихонько обсуждали важный и сложный вопрос: как им, врачам, легче и тише уничтожить коммунистов?.. Вот вы — коммунист — заболели и пригласили врача. По мнению “черного кабинета”, заседавшего в Киевском медицинском институте, врач должен явиться к вам, пощупать пульс, посмотреть язык, узнать, с какого года вы состоите в партии и... отправить вас к праотцам”. Газета утверждала также, что “в “черном кабинете” заседали “мягкотелые интеллигенты” и думали; “Что будет мягче и интеллигентнее — травить больных коммунистов ядом или бактериями?.. Эти “мягкотелые интеллигенты” сейчас гнутся перед советским судом. Мягкотелость не помешала им изобрести жесточайшую систему “медицинского террора” [9].

Еще дальше пошла газета “Правда” — центральный партийный орган. Задолго до окончания процесса и вынесения приговора “Правда” в статье “Доктора-бандиты” заклемила “всех этих врачей-бандитов” как невиданных доселе преступников, заявив, что “Этой своей террористической свирепостью медицинская группа выделяется среди других групп СВУ”.

Процесс в Харькове и, главным образом, отчеты о нем в корреспонденциях, опубликованных в ведущих советских газетах, были тогда в центре внимания общественности. Так, А.М. Горький, живший в то время в Сорренто, в Италии, прочтя эти корреспонденции, писал А.Б. Халатову в Москву: “В корреспонденции допроса обвиняемого Павлушкова сообщалось, что Павлушков и его сообщники (видимо, полностью признавшие свою вину и громко о ней заявлявшие на допросах) считали, что советские врачи должны бы были использовать свое положение при лечении членов компартии так, чтобы те не могли выздороветь. “Мы, — сказал Павлушков, — высказали пожелание, чтобы медики “помогали умирать” выдающимся пациентам-коммунистам, пользуясь своим положением, либо ядом, либо прививкой им бактериальных культур” [9a].

Следует подчеркнуть, что в ходе процесса обвинение не представило никаких доказательств “медицинского террора” или “террористической свирепости врачей-бандитов”. Не говорили об этом и подсудимые, хотя их и вынудили каяться во всех мыслимых и немыслимых грехах. Вот, например, что сказал в своем заявлении суду профессор А.Г. Черняховский: “Я чувствую за собой вину, которая заключается во вредительской политической работе. Я признаю, что был контрреволюционером до последнего времени. Теперь я осуждаю эту мою политическую деятельность. Я полностью сознаю весь тот

вред, который я сделал и особенно меня мучит сейчас то, что я был связан с заграничной эмиграцией. Я очутился в рядах врагов трудящихся Украины потому, что у меня националистические элементы играли преимущественную роль над политическими» [10]. Таким образом, ни о каком «медицинском терроре» подсудимый, «врач-бандит» Черняховский не сказал ни слова.

Не сделали напроцессе внятных заявлений о «медицинском терроре» и другие «врачи-бандиты». Лишь А.А. Барбар сказал, что, как говорится в газетном отчете, «члены мед. секции СВУ, обсуждая вопрос о том, как относиться к больным коммунистам, решили относиться враждебно и вместо оказания помощи – губить их» [10а]: если отчет правдив, то Барбар фактически подтвердил то, что приписывали ему в показаниях на предварительном следствии. Кстати, в том же газетном отчете содержалось туманное объяснение В.В. Удовенко о том, что «в кругах секции говорили о том, что в определенный момент политической борьбы можно не обращать внимания на врачебную этику по отношению к политическим противникам».

Все это не помешало, однако, прокурору Ахматову заявить на суде, что у Барбараи Удовенко была «принципиальная установка на медицинский террор» [11]; о других «врачах-бандитах» он, при всем желании, не мог сказать и этого. И все-таки Ахматов пришел «к выводу, что медицинская группа «СВУ» представляла собой сборище ярых, заклятых врагов советской власти, сборище людей явно контрреволюционных» [11а]. Итак, от пресловутого «медицинского террора», даже недоказанного для большинства обвиняемых врачей, прокурор Ахматов перешел к самым серьезным политическим обвинениям. Не поправил прокурора и главный общественный обвинитель П.П. Любченко.

Кроме того, врачам инкриминировали антисоветскую обработку студентов-медиков – будущих врачей. Профессор Подгаецкий озвучил даже «признание» о том, что «молодая врачебная масса наших исполнителей и политических единомышленников быстро и легко может стать, да наверное и становилась, ячейкой погромов и организаторов кулацких кружков» [12].

Известный украинский юрист А. Болаболченко несколько лет назад познакомился со всеми 250 томами «дела СВУ», и не нашел там ни одного фактического доказательства преступлений или вины хоть кого-нибудь из 45 подсудимых, в том числе, разумеется, и пятерых врачей [12а].

Самое интересное состоит в том, что ни тогда, в 1930 году, ни потом никто «не обратил внимания», что «врачи-бандиты» по роду своей деятельности не занимались медицинской практикой и, следовательно, даже при желании не могли проводить пресловутый «медицинский террор» против большевиков и коммунистов. Вот почему прокурор Ахматов в конце процесса в своей обвинительной речи пожаловался, что всех их «было очень тяжело допрашивать ... считали ли они возможным применить к политическому противнику «медицинский террор», нарушить так называемую врачебную этику».

Откуда же взялось высосанное из пальца обвинение? Кто автор этого, по сути дела, фантастического вымысла – вымысла, который мог возникнуть только напочве полной некомпетентности и фантастического невежества? Есть веские основания считать, что авторство принадлежит самому Сталину. В 1992 году в личном архиве Сталина был обнаружен следующий документ:

“Шифром Харьков Косиору, Чубарю.

Когда предполагается суд над Ефремовым и другими? Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только повстанческие и террористические дела обвиняемых, но и медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников. Нам нечего скрывать перед рабочими грехи своих врагов. Кроме того, пусть знает так называемая “Европа”, что репрессии против контрреволюционной части спецов, пытающихся отравить и зарезать коммунистов-пациентов, имеют полное “оправдание” и по сути дела бледнеют перед преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев. Наша просьба согласовать с Москвой план ведения дела на суде. № 8/ш. И. Сталин.

2.1–30 г. 16.45.” [13].

Вероятно, “вождь народов”, узнав, что среди арестованных по “делу СВУ” есть медики, тут же со свойственной ему пронизательностью раскрыл “медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников”. Однако совершенно очевидно, что в медицинских науках “корифей науки” разбирался откровенно слабо, что, впрочем, вполне естественно, а о том, что в медицине существуют клинические и теоретические специальности и в вовсе может быть, не подозревал. Никто так и не решился подсказать ему, что клинические специальности (терапия, хирургия, невропатология и др.), связанные с лечением больных, и теоретические специальности (физиология, гистология, гигиена и др.), основывающиеся на экспериментах на животных и профильных исследованиях, – это, если можно так сказать, два лица медицины. И поэтому абсурдно приписывать попытки “отравить и зарезать коммунистов-пациентов” ученому-гистологу или гигиенисту, даи разговоры, которые они якобы вели, не имеют никакого отношения к их работе, почему даже эти разговоры никак нельзя именовать “преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев”.

Однако тон обвинениям врачей был задан. И хотя выдержать его напроцессе, судя по показаниям подсудимых, не удалось, дело было сделано: советскому народу, да и всему миру, было сообщено о преступной деятельности “врачей-бандитов”, которые к тому же подумывали о возможности нарушить “так называемую врачебную этику” и считали возможным “осуществлять “медицинский террор” – как сказал прокурор Ахматов, “использовать медицинскую науку – для уничтожения творцов пролетарской революции”.

И советский народ, если верить материалам газет тех дней, сразу вступился за творцов пролетарской революции. Процесс только начался, до вынесения

приговора было далеко, а отклики, прежде всего отклики “заинтересованных лиц” – коллег и знакомых подсудимых, уже последовали. Как писала 15 марта 1930 года газета “Известия”, “ученые СССР и специалисты клеймят контрреволюционных вредителей”. Так, в Киеве пленум научно-исследовательской кафедры теоретической медицины принял резолюцию, в которой постановил исключить из состава членов кафедры Черняховского, Подгаецкого и Удовенко. Заклеймили позором изменников украинские академики Корчак-Чепурковский, Неждадименко, Фомин, Новицкий, Семинский и др. Общее собрание медицинской секции ВУАН (Академии наук Украины) приняло резолюцию, в которой решительно отмежеввалось от “контрреволюционной кучки” своих бывших коллег, решило исключить “фашистских наемников” из медицинской секции и из профсоюза и настаивать на лишении их права заниматься врачебной деятельностью. Таким образом, даже коллеги, хорошо знавшие “фашистских наемников” как ученых-теоретиков, выдвинули абсурдное требование лишить их права, а не того, чем они не занимались – права на врачебную деятельность, то есть на лечение больных.

Чудовищные обвинения против врачей поддержали, к сожалению, и другие их коллеги. Под заголовком “Советские ученые отмежевываются от вредителей” газета “Известия” напечатала письмо профессора А.В. Молькова, в котором он сообщал, что в составе постоянного бюро профилактических кафедр СССР “оказались украинские контрреволюционеры профессора Подгаецкий и Удовенко”. Пленум этого бюро “постановил исключить из своего состава этих негодяев и лицемеров, которые ... готовили в то же время осуществление медицинского террора против руководителей социалистического строительства” [13а].

Не преминули откликнуться и некоторые медицинские журналы, особенно те, что претендовали на роль “голоса медицинской общественности”. Вот конкретный пример. “Обострение классовой борьбы нашло свое яркое отражение на всех участках теоретического фронта, в том числе и на медицинском, – писал журнал “Врачебная мысль” – Здесь оно проявилось как в форме открытого вредительства, так и в форме оживления реакционных теорий. В контрреволюционных организациях, вскрытых ГПУ, не последнюю роль играли теоретические работники медицины” [14].

“На происходившем в прошлом году [т.е. в 1930 году – М.М.] процессе “Союза вызволения Украины” была с исчерпывающей полнотой разоблачена и доказана причастность группы старорежимных “столпов” медицинской науки к антисоветским и вредительским организациям, – говорилось в другой статье этого журнала “О вредительских теориях и оппортунистической практике в области здравоохранения” – пойманные с поличным идеологи “медицинского террора” профессора Черняховский, Подгаецкий, Кудрицкий, врачи Барбар, Удовенко и др. ... вынуждены были признаться, что так называемая “врачебная этика” и т. п., лозунги политического нейтрализма служили только защитным флагом для конспиративной контрреволюционной

деятельности медицинской секции Украинской академии наук. При президиуме медсекции формально числились различные комиссии (терминологическая, методологическая и др.), фактически же все внимание было сосредоточено на проработке "методов физического истребления" советских деятелей, особенно коммунистов (отравление ядом, бактериями и т. п.)" [14а].

Комментарии здесь, как говорится, излишни...

...А между тем процесс по "делу СВУ", продолжавшийся почти полтора месяца, подошел к концу. 19 апреля 1930 года был объявлен приговор С.А. Ефремову, (10 лет тюремного заключения) и всем его "однодельцам". Врачи А.А. Барбар, В.В. Удовенко, В.Я. Подгаецкий получили по 8 лет тюремного заключения, А.Г. Черняховский – 5 лет, Н.А. Кудрицкий – 3 года (условно). По тем временам это было очень суровое наказание – ведь шел еще только 1930 год, до массовых сталинских репрессий было как будто бы далеко... Почти 60 лет тяготел над именами видных украинских ученых-медиков этот суровый приговор, чудовищное сталинское обвинение, нашедшее продолжение и в 1938-м, и в 1953 году. Обвинение это тяготело не только над их именами, но и над всей нашей медициной, породившей "врачей-бандитов" и "врачей-убийц", И только 11 сентября 1989 года пленум Верховного суда Украины отменил несправедливый приговор, реабилитировал не только врачей, но и всех, кто был осужден по "делу СВУ".

А какова дальнейшая судьба тех, кого называли тогда "врачами-бандитами"? Хотя профессор А.Г. Черняховский уже в 1934 году оказался на свободе, на прежнее место работы его не взяли. Он устроился на рядовую должность в "опорном пункте" Всеукраинского института экспериментальной медицины в Сталино (Донецк), а затем возвратился в Киев, где работал в отделе экспериментальной онкологии Института экспериментальной биологии и патологии. В 1934–1938 годах он выполнил ряд интересных исследований, например об иннервации опухолей, о чем докладывалось на I съезде онкологов УССР (Киев, 1938). Умер А.Г. Черняховский, по-видимому, в 1939 г.

Н.А. Кудрицкий, единственный из врачей, осужденный условно, тоже не смог вернуться на должность профессора Киевского медицинского института. Очевидно, зарабатывая на хлеб, он занялся литературным трудом: в 1931 г. в Харькове вышла его брошюра на украинском языке "Детям – гигиенические условия жизни и труда". Дальнейших следов Н.А. Кудрицкого найти не удалось: не исключено, что в последующем он был вновь репрессирован. Что касается трех остальных врачей, то их судьбу установил украинский юрист А. Болаболченко. Судьба эта трагична. А.А. Барбар, почти отбывший срок наказания, 9 октября 1937 года был осужден к смертной казни и ноября 1937 года расстрелян, В эти же дни был осужден и расстрелян и В.Я. Подгаецкий, тоже чуть-чуть не успевший отбыть весь срок наказания. В.В. Удовенко пробыл в лагере "от звонка до звонка", а 25 ноября 1937 года, через три дня после того, как окончился его 8-лётний срок, он был вновь осужден, приговорен к расстрелу и погиб 8 декабря 1937 года.

Можно добавить, что трагичной оказалась судьба и “главного общественного обвинителя” П.П. Любченко, председателя Совнаркома УССР: в предвидении неизбежной гибели в застенках НКВД он 30 августа 1937 года покончил жизнь самоубийством.

Украинские ученые-медики – фигуранты самого первого “дела врачей” – стали жертвами жестоких репрессий, инспирированных, как показывают архивные документы, самим Сталиным. Их, как и других жертв этого позорного процесса над интеллигенцией, власть превратила тогда в своеобразный символ скрытых врагов и вредителей. Характерно, что один из лозунгов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1930 года гласил: *“Беспощадная война банде вредителей и шпионов, наемников капитала!”* [15].

Впрочем, строго говоря, это был не самый первый факт необоснованных, не вызванных ничем репрессий против врачей. Уже в середине двадцатых годов были примеры осуждения врачей по политическим мотивам. Так, известный ученый-патолог Я.Л. Рапопорт (впоследствии – одна из жертв “дела врачей” 1953 года) сообщил, что *“в хронологическом порядке первым такого рода делом было, вероятно, дело хирурга Холина, внезапно исчезнувшего в конце двадцатых годов. Мне рассказывали, что он был арестован в связи с операцией М.В. Фрунзе, в которой он принимал участие. Ходили слухи, что эта операция по поводу язвы двенадцатиперстной кишки была сделана по настоянию Сталина”* [16].

31 октября 1925 года, через двое суток после операции, проведенной крупнейшими хирургами во главе с профессором И.И. Грековым, М.В. Фрунзе скончался (сюжет этот был использован писателем Борисом Пильняком в его “Повести о непогашенной луне”); по-видимому, отмечает Рапопорт, погиб он от перитонита. Таким образом, исчезнувший после этого Холин был едва ли не первым, кто стал жертвой обвинения в “использовании профессии медика в политических целях”...

Второе “делo врачей”

Прошло несколько лет – и в 1938 году вновь возникло, на этот раз в Москве, “делo врачей”. Снова на скамье подсудимых большого политического процесса, который проходил в Октябрьском зале Дома союзов, а “вел” прокурор СССР А.Я. Вышинский, оказались и медики. На этот раз врачей Л.Г. Левина, Д.Д. Плетнева, И.Н. Казакова судили в составе большой группы (21 человек) обвиняемых, возглавляемой бывшими членами высшего руководства страны Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым и наркомом внутренних дел Г.Г. Ягодой (так называемый “антисоветский правотроцкистский блок”).

Уже в начале марта было обнародовано обвинительное заключение, в котором говорилось и о подсудимых-врачах. Так, в этом заключении, составленном на основании предварительного следствия, было сказано:

“Обвиняемый Плетнев, принявший непосредственное участие в деле убийства Алексея Максимовича Горького и Валериана Владимировича Куйбышева,

показал: "Ягода ... прямо предложил мне воспользоваться своим положением лечащего врача у Куйбышева В.В. и А.М. Горького и ускорить их смерть путем применения неправильных методов лечения. Я пытался отказаться, но в конце концов был вынужден согласиться ... Приняв это страшное задание Ягоды, я вместе с доктором Левиным выработал план убийства А.М. Горького и В.В. Куйбышева".

Это же подтвердил и обвиняемый Левин, показавший:

"Я признаю себя виновным в том, что применив умышленно неправильное лечение и использовав несоответствующие данному заболеванию лекарства, я вместе с моими сообщниками, по согласованию с Ягодой, был виновником преждевременной гибели Максима Горького и Куйбышева".

"... По прямому указанию Ягоды обвиняемыми д-ром Левиным и д-ром Казаковым был убит также председатель ОГПУ В.Р. Менжинский".

В обвинительном заключении было сказано, что к суду привлекался еще и доктор Виноградов А.И., работавший в санчасти ОГПУ, однако "дело в отношении д-ра Виноградова А.И. за его смертью производством прекращено" [1]. Все это в опубликованном обвинительном заключении относилось к вине — еще, так сказать, гипотетической, еще не доказанной — подсудимых врачей. Однако уже в ближайшие дни газеты стали печатать индивидуальные и коллективные отклики, в которых выражалось негодование преступными действиями и требование суровой расправы.

5 марта, допрос врачей еще не начинался, а в "Правде" уже была опубликована резолюция совещания по физиологическим проблемам, в которой говорилось: "Врачи Плетнев, Казаков, Виноградов, Левин ... сознательно использовали доверие больных для умерщвления их. Подобных преступлений еще не знала история. Смерть этим убийцам!" Под резолюцией подписались видные ученые академик Л.А. Орбели, академик А.А. Ухтомский, профессора Н.Н. Аничков, А.Д. Сперанский, Л.С. Штерн, А.В. Вишневский, К.М. Быков, Н.И. Проппер-Гращенков и др. [2]. В только начавшей выходить профессиональной газете "Медицинский работник" сообщалось, что на собрании в Кремлевской больнице академик М.Б. Кроль просил суд применить к преступникам высшую меру наказания, а профессор Я.Г. Этингер (в будущем один из фигурантов "дела врачей" 1953 года) сказал, что "банда гнусных убийц заслужила смерть" [3].

Выразили свое возмущение и требовали расстрела, физического уничтожения врачей-убийц маститые советские ученые — проф. А.И. Абрикосов, проф. Г.Ф. Ланг, академик А.Н. Бах, проф. В.П. Филатов, проф. Н.Н. Бурденко, проф. В.Р. Хесин, академик Н.Д. Стражеско... (Медицинский работник, 4 марта). "Расстрела всей проклятой банды предателей родины" потребовали: от имени 400 врачей города Перми (Правда, 8 марта), общее собрание врачей г. Ялты (9 марта), сотрудники 1-й киевской клинической больницы и тульской больницы имени Семашко (10 марта), работники Архангельского мединститута (11 марта)...

Это массовое проявление "патриотических" чувств было заранее подготовлено и хорошо организовано: одна из задач заключалась, видимо, в том, что арестованных врачей следовало развенчать и как специалистов, и как порядочных людей, низведя их до уровня уголовных элементов.

Не секрет, что обвиняемые врачи являлись видными учеными-медиками, докторами медицины и профессорами, чьи имена и научные труды хорошо знали и в нашей стране, и за рубежом. Тяжелейшие обвинения, выдвинутые против них, были поистине ужасными по своей нелепости: врачей, лечивших людей, спасавших жизнь и здоровье своих пациентов, обвиняли в "медицинских (!) убийствах".

"Утром 8 марта 1938 года процесс дошел до самого ужасного и самого темного обвинения... На протяжении последующих двух дней главной темой допросов была система "медицинских убийств", якобы выполнявшихся по прямым распоряжениям Ягоды" [4].

"Медицинскими" эти убийства именовали потому, что их якобы совершили обвиняемые врачи. Сначала был будто бы умерщвлен предшественник Ягоды на посту начальника ОГПУ Менжинский: убийцей стал его любимый врач Казаков. Потом был якобы уничтожен сын Горького Максим Пешков: это убийство приписывалось Левину и профессору Плетневу. Следующей жертвой этих двоих стал Куйбышев, и, наконец, они же погубили Горького.

Первым в группе врачей в обвинительном заключении был назван и потому первым вызван на публичный допрос доктор Л.Г. Левин. Вот что сообщил он о себе:

"Родился я в 1870 году, в бедной мещанской семье. С 14 лет должен был зарабатывать уроками, будучи гимназистом, деньги, чтобы продолжать свое воспитание и помочь семье. Окончил естественный факультет в Одессе, после этого медицинский факультет в Москве, с 1896 года работаю врачом. Таким образом, я работаю врачом 42 года" [5].

До революции он был врачом в различных больницах. А начиная с 20-ых годов Левин, вскоре ставший доктором медицинских наук, работал в системе Лечсанупра Кремля (предшественника пресловутого 4-го управления Минздрава). Он, в частности, лечил В.И. Ленина, К. Цеткин, а также Шалапина, Качалова, художника Пастернака... Последнее время доктор Левин занимал высокий и ответственный пост – был заместителем главного врача Кремлевской больницы, следил за здоровьем и лечил самых высокопоставленных советских вождей. Кроме того, он часто оказывал медицинскую помощь приезжавшим в Москву известным иностранцам: так, он наблюдал за здоровьем Романа Роллана во время его пребывания в нашей стране в 1935 году [6]. Незаурядной личностью был и И.Н. Казаков, человек в высшей степени оригинальный. В 30-ые годы он возглавлял Институт обмена веществ и эндокринных расстройств, пользовался признанием и официальной поддержкой. Вот что писало нем американский ученый, профессор Балтиморского университета Генри Сигерист, преподававший в университете Джона

Гопкинса историю медицины и написавший книгу о советской медицине: *“В 1935 г. я провел целый день с профессором И. Казаковым в его клинике. Это был человек высокого роста, с пышной шевелюрой, которого скорее можно было принять за деятеля искусства, чем за ученого, по виду он больше всего напоминал оперного певца. От разговора с ним создавалось впечатление, что он либо гений, либо шарлатан. Он уверял, будто открыл новый метод лечения, который называл лизатотерапией”* [7].

Нет, впечатление американского профессора было, по-видимому, все-таки ошибочным: Казаков не был ни гением, ни шарлатаном. Лизаты, в которые он верил, это продукты кислотного или ферментного гидролиза органов и тканей. Он использовал их как органопрепараты при некоторых заболеваниях. Смысл применения лизатов, по мнению ученого, состоял в том, чтобы вызвать усиление деятельности той или другой железы или органа и обеспечить тем самым как бы его реставрацию.

Ученый медицинский совет Наркомздрава, в который входили наиболее авторитетные ученые-медики, 28 июня 1930 года обсуждал метод Казакова и признал, что он *“представляет интерес как с практической, так и с теоретической стороны”*. Это, видимо, и явилось основанием для принятого 26 января 1932 года постановления Совнаркома РСФСР о создании государственного НИИ обмена веществ и эндокринных расстройств во главе с И.Н. Казаковым [7а].

“Круг знакомых, друзей у отца был широк, – вспоминал его сын Б.И. Казаков – У отца была частная практика – и кто только к нему не обращался за помощью – артисты, писатели, политические деятели... Помню, в дом приходили и Н.А. Семашко, и участник трех революций, видный деятель партии П.А. Красиков, и один из руководителей октябрьского вооруженного восстания Н.И. Подвойский, и известный государственный деятель Х.Г. Раковский. В 1938 году с Раковским отец вместе сидел на скамье подсудимых” [8].

Среди пациентов доктора Казакова был и Сталин. *“Сталин не любил врачей, боялся, хотя иногда и прибегал к их помощи, – вспоминал известный хирург Б.В. Петровский. – Так, однажды, в тридцатые годы, страдая псориазом (хронической кожной болезнью), он прошел курс лечения белковыми препаратами у доктора Казакова. Инъекции этого малоэффективного, по сути знахарского, препарата несколько помогли Сталину, и тогда Казакову срочно создали Институт обмена веществ, оснастили импортным оборудованием... Институт производил впечатление великолепным оборудованием, комфортным обустройством.... Но произошло непредвиденное. Пятно, поразившее кожу генсека, стало вновь увеличиваться. Доктор Казаков, только что вкусивший славы, был арестован”*. [9].

Дело в том, что лизатотерапия былатогдановым и модным методом лечения. Но, как показала практика, лизаты – препараты, отразившие уровень медицины того времени, возлагавшихся на них надежд не оправдали. Их лечебный эффект оказался очень небольшим, хотя и вреда от них не было

никакого. Кстати, надо все-таки отметить, что на протяжении многих лет в медицине периодически возникает (а потом пропадает) интерес к лизатам как лечебным препаратам.

Самым известным среди врачей, оказавшихся на скамье подсудимых, был профессор Д.Д. Плетнев.

Вот что говорилось о Плетневе в вышедшем в 1933 году 25 томе Большой медицинской энциклопедии:

“Плетнев Дмитрий Дмитриевич (род. 1872), выдающийся профессор-терапевт, заслуженный деятель науки. Окончил Московский университет в 1896 г., после чего работал в клинике Павлинова, Шервинского и Голубинина ординатором и ассистентом. В 1906 г. защитил диссертацию об аритмиях сердца. 1906–1908 гг. провел за границей, где работал в качестве ассистента в клинике Крауса в Берлине, а также у Ф. Мюллера и Наунина. С 1911 г. – профессор пропедевтической клиники Высших женских курсов, а с 1917 г. по 1929 г. – директор факультетской, затем госпитальной терапевтической клиники I Московского университета. В настоящее время П[летнев] – профессор Центрального института усовершенствования врачей и директор Научно-исследовательского института функциональной диагностики и экспериментальной терапии НКЗдравоохранения. П[летнев] состоит также членом Ученого медицинского совета РСФСР и УССР, членом правления Всесоюзного общества терапевтов и членом ряда заграничных научных обществ. В 1931 г. избран членом-корреспондентом Берлинского медицинского общества. Выступал неоднократно в качестве программного докладчика на терапевтических съездах и был избран председателем X съезда терапевтов в Ленинграде. П[летневым] опубликовано свыше 50 оригинальных научных работ, из них значительная часть на иностранных языках.... Является одним из основателей и бессменным редактором распространенного журнала “Клиническая медицина”....Своей научной и преподавательской деятельностью П[летнев] в значительной мере содействовал развитию терапевтической клиники в СССР”. [10].

Правда, были в научной карьере действительно выдающегося профессора-терапевта Плетнева и неожиданные повороты. Так, в 1929 году он вдруг покинул медицинский факультет Московского университета, где был “звездой первой величины”. Как вспоминал впоследствии его ученик профессор В.Г. Попов, Плетнев – ведущий профессор-терапевт медицинского факультета, независимый и хорошо известный в научных кругах ученый – открыто конфликтовал с тогдашним ректором университета А.Я. Вышинским. После того, как ректор затеял в университете очередную политическую “чистку” (Вышинский чрезвычайно любил такие акции, во время которых проверялась “благонадежность” сотрудников), Плетнев отказался в ней участвовать и подал в отставку. Впрочем, вскоре он возглавил другую терапевтическую клинику и даже целый институт, а в конце 1929 года стал еще и штатным консультантом Лечсанупра Кремля.

И вот судьба снова сталкивает Плетнева с Вышинским – уже не ректором, а прокурором, государственным обвинителем на крупном политическом процессе. Здесь-то бывший университетский ректор и устроитель “чисток” разворачивается в полную силу.

Что же вменялось в вину профессору Плетневу и его коллегам – беспартийным врачам, неожиданно оказавшимся членами какого-то неизвестного им блока?

Государственный обвинитель – прокурор СССР А.Я. Вышинский – в своей речи обвинил их в том, что “путем заведомо неправильного лечения” они “умертвили” великого пролетарского писателя А.М. Горького, его сына М.А. Пешкова, а также видных государственных и партийных деятелей В.В. Куйбышева и В.Р. Менжинского. Их “преступными действиями” руководил якобы непосредственно Г.Г. Ягода – недавний глава всемогущего НКВД, а ныне также находившийся в зале суда как один из главных обвиняемых по делу “правотроцкистского блока”.. Этот некогда грозный человек послушно давал “показания”, как он вербовал, в частности, Левина, Плетнева, Казакова, *“по прямому сговору с японской и германской разведками и по заданию врага народа Л. Троцкого”*.

Были предъявлены и “конкретные” обвинения. Например, доктора Л.Г. Левина обвиняли в том, что он участвовал, в частности, в “умерщвлении” А.М. Горького, которого он часто лечил. Хотя на самом деле отношения Левина и Горького вовсе не были “официальными” отношениями врача и пациента. Левин любил Горького. И Горький любил и ценил Льва Григорьевича. Левин неоднократно приезжал к Горькому в Италию, наблюдал за его здоровьем, жил у него дома и на подмосковной даче. Когда Горький умер, доктор Левин посвятил его памяти взволнованные и теплые слова. Впрочем, эти слова ему припомнил государственный обвинитель Вышинский, прямо заявивший в своей обвинительной речи:

“Когда погиб от руки Левина Алексей Максимович Горький, Левин, доктор медицинских наук, опубликовал в газетах некролог – “Последние дни Алексея Максимовича Горького”. В этом некрологе он писал, вздыхал, стонал о гибели великого человека. “Великие люди, – писал он фарисейски, лицемерно, двурушничествуя, – живут и умирают, как великие люди”. “Живут и умирают, как великие люди!”. Левин не добавил – “от руки автора этого некролога, одного из подлых убийц!” [11].

Вышинский не просто вспомнил некролог – он приобщил его к делу как одно из доказательств якобы преступных действий подсудимого.

В некрологе доктор Левин писал: *“За десять лет моего врачебного наблюдения за Алексеем Максимовичем это было шестое заболевание гриппом. Каждый раз грипп неизменно осложнялся бронхитом и катаральным воспалением легких”*. Эти слова Вышинский интерпретировал как признание доктора Левина в том, что он заранее продумывал свои преступные действия:

“Значит, Левин уже знал хорошо, в каком направлении можно искать осложнений в этой борьбе Алексея Максимовича Горького с болезнью... Убийца выбалтывает тайну убийства” [12].

Поистине, до чего мог додуматься профессор юриспруденции, автор теории “признание как царица доказательств”?!...

Кстати, о том, почему доктор Левин попал на скамью подсудимых, его невестка (жена старшего сына) Е.Л. Левина рассказала корреспондентам “Медицинской газеты” следующее:

“На Льва Григорьевича Сталин имел “зуб”. Наверное, первая их встреча произошла, когда заболел Яков, сын Сталина от первого брака. Вторая жена – Надежда Сергеевна Аллилуева – вызвала Л.Г. Левина. Оказалось, что у Яши тяжелое воспаление легких. Лев Григорьевич без ведома Сталина остался на ночь – дежурить. Утром в дверях они столкнулись.

– Это еще кто?! – рявкнул Сталин.

– Доктор Левин, он дежурил у Яши... – начала было объяснять Аллилуева.

Сталин зло прервал:

– Зачем нужен доктор! Что за глупости!!!

Сам он врачей не признавал, если простужался, укутывался в бурку, потел...

Второй раз свекор, очевидно, разгневал Сталина, когда застрелилась Аллилуева. Нам позвонил Поскребышев (секретарь Сталина) и предложил Льву Григорьевичу срочно приехать. Надо было подписать заключение о смерти, где бы говорилось, что Аллилуева умерла от аппендицита. Но Левин отказался подписывать подобную бумагу. Кстати, отказался подписывать ее и Плетнев...”

В данном случае, возможно, Е.Л. Левина не совсем точна. Есть версия, что Сталин вовсе не хотел фальсифицировать заключение о смерти жены. В своих воспоминаниях Л.И. Разгон рассказывает: “Когда Сталина и Авеля (Енукидзе) вызвали с гульбища, где они предавались изнеженности нравов, Енукидзе предложил составить акт о скоропостижной смерти от сердечного приступа. На что мудрый Сталин ответил: “Нет, будут говорить, что я ее убил. Вызвать судебно-медицинских экспертов и составить акт о том, что есть на самом деле – о самоубийстве”.

И все-таки звонок Поскребышева Левину и Плетневу вероятнее всего был. Это подтверждает в своих воспоминаниях и Я.Л. Рапопорт. По его сведениям, медицинский бюллетень о смерти, последовавшей от аппендицита, было предложено подписать троим: А.Ю. Канель, главному врачу Кремлевской больницы, ее заместителю Л.Г. Левину и профессору Д.Д. Плетневу. Все трое отказались. Строптивость Левину и Плетневу обошлась дорого, что же касается Канель, то она избежала их участи, очевидно, только потому, что “успела” умереть в 1936 году...

Какое из свидетельств ближе к истине – кто сейчас это знает? Но может быть и так, что правы все. Что Сталин, возможно, действительно не хотел писать в заключении о смерти неправду – просто его “лакеи” решили

забежать вперед. Зная методы хозяина, проявили, так сказать, инициативу. Идею эту Сталин не одобрил, но ослушавшихся не простил.

И, вероятно, в третий раз Лев Григорьевич рассердил Сталина после того, как застрелился Орджоникидзе... Или его убили? Есть ведь версия, что те, кто первым вошел в квартиру Орджоникидзе, подписали себе смертный приговор. Они составили акт о том, что в маузере Серго было семь патронов, а пороховой гари в стволе не было... Их через неделю расстреляли. Впрочем, и послушного наркомздрава Каминского, подписавшего тот бюллетень о смерти, который требовался, — о смерти Серго от “паралича сердца”, тоже расстреляли... Хорошо помню, что Лев Григорьевич настаивал тогда на вскрытии, а Сталин не соглашался: *“Зачем вскрытие? Не будем огорчать вдову — она против...”* [13].

Не вызывает сомнений, что обвиняемые врачи, как и другие подсудимые, подверглись перед началом процесса соответствующей обработке. В ход шли и жестокие пытки, и угрозы расправиться с семьей и близкими, и многое другое. Установлено, что с допрашиваемыми нередко беседовал сам Ежов — глава НКВД. По показаниям бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР Фриновского, Ежов убеждал арестованного, что суд сохранит ему жизнь если он признает свою вину.

Все это давало свои страшные плоды, люди оговаривали себя, признавались в несовершенных преступлениях. Так, доктор Левин дал “образцовые” показания о планировании и проведении так называемых медицинских убийств. Согласно его рассказу и показаниям других, было выполнено следующее:

1. Казакову, доктору-шарлатану и любимцу Менжинского, приказали убить Менжинского чрезмерной дозой одного из “лизатов” собственного, казакского, изготовления, дабы освободить пост начальника ОГПУ для Ягоды.
2. Убили Максима Пешкова в два этапа: сперва приказали секретарю Горького Крюкову напоить Пешкова пьяным и оставить в таком состоянии на садовой скамейке, “на холоде” (хотя был май); а затем, когда Пешков простудился, напустили на него Левина, Виноградова и Плетнева.
3. На прогулках с Горьким для него разжигали костры, которые он очень любил, хотя у писателя были слабые легкие, и костры плохо действовали на его здоровье; возили Горького к его внукам, когда те лежали с простудой, и тем самым заразили писателя, а потом отдали его в руки Левина и Плетнева.
4. Куйбышева просто неправильно лечили от болезни сердца — но скончался то он в конце концов потому, что ему не была вовремя оказана медицинская помощь, хотя следовало бы полагать при таких обстоятельствах, что отсутствие “преступной” врачебной помощи не ухудшило его состояния перед смертью!” [14].

Об этом же можно судить и по тому, как проходил на процессе один из допросов “подготовленного” в застенках НКВД обвиняемого Плетнева:

“Вышинский. (Плетневу). Как вы характеризуете свои настроения в то время, когда были приглашены Ягодой для сговора об убийстве Куйбышева и Горького? Были у вас тогда антисоветские настроения?”

Плетнев. Были.

Вышинский. А вы маскировали эти настроения?

Плетнев. Да.

Вышинский. Каким образом?

Плетнев. Неоднократно говорил о полной поддержке всех тех мероприятий, которые проводились советской властью.

Вышинский. А в действительности?

Плетнев. Я был несоветским человеком.

Вышинский. Антисоветским?

Плетнев. Да.

Вышинский. Маскировались?

Плетнев. Да.

Вышинский. Двуручничали?

Плетнев. Да” [15].

Так отвечать обвиняемый Плетнев способен был исключительно после специальной “подготовки”, проведенной, надо думать, заплечных дел мастерами по всем изуверским “правилам” энкавэдэвского искусства...

Еще ранее, в страшном 1937 году, против профессора Плетнева выдвинули сумасбродные, на первый взгляд, обвинения. Как вспоминал профессор Попов, все началось с публикации летом 1937 года письма в “Правде” некоей истеричной особы, которая утверждала, что Плетнев во время осмотра... укусил ее за грудь. Несмотря на очевидную глупость, письмо это “Правда” сопроводила комментарием с требованием принять самые суровые меры к насильнику и садисту. Началось публичное осуждение Д.Д. Плетнева; в частности, очень старался профессор Д.А. Бурмин (вскоре ставший заслуженным деятелем науки, а на процессе включенный в экспертную комиссию). Среди обвинителей оказались тогда также авторитетные ученые-медики В.Ф. Зеленин, Б.Б. Коган, Э.М. Гельштейн, М.С. Вовси и другие (позже все они стали фигурантами “дела врачей” 1953 года). По меркам того времени, вся эта кампания закончилась весьма скромно: суд определил Плетневу два года лишения свободы условно.

Но Вышинский, использовавший против обвиняемых медиков, за неимением фактов их “преступной деятельности”, любой “компромат”, не мог, конечно, не вспомнить о деле пациентки, над которой Плетнев якобы учинил насилие. Один из его вопросов подсудимому профессору был о том, не порочит ли его безупречную 40-летнюю врачебную деятельность та история. Плетнев ответил: “Приговор, да...” [16]; его порочило не преступление, которого не было, а несправедливый приговор...

Выступавший в качестве государственного обвинителя прокурор А.Я. Вышинский был, казалось бы, культурным и образованным человеком,

профессором юриспруденции и ректором Московского университета; кроме того, он слыл златоустом. На процессе “правотроцкистского блока” свою эрудицию он продемонстрировал в обвинительной речи: касаясь страшных преступлений, инкриминируемых врачам, он попытался бросить тень на всю многовековую историю медицины, для чего постарался всесторонне представить врачебное коварство и использование ядов за тысячелетия истории. С этой целью он цитировал римского историка Тацита, говорил о таких исторических личностях, как Филипп II, который “*весьма широко пользовался для отравлений ядом*”, Иоанн Кастильский, который “*был отравлен при помощи отравленной обуви*”, папа Климент II, который “*был убит при помощи дыма от отравленной свечи*” [17].

“Сама идея о том, что врач может сознательно убивать пациента, казалась безумной, дикой – и не могла найти рецептора в сознании медика, – вспоминал о том процессе и обвинительной речи Вышинского один из учеников Плетнева, впоследствии известный терапевт профессор А.Л. Мясников. – Ссылки на времена Борджия не были, конечно, убедительными. Чудовищность всей этой истории была ясна и ее авторам, потому и было, очевидно, необходимым еще за год раньше превратить Плетнева в зверя” [18].

Характерно, что профессор юриспруденции Вышинский, приведя несколько примеров деятельности в дореволюционной России врачей-отравителей, излагал и собственные взгляды на проблему применения ядов. Совсем не обязательно, говорил он, пользоваться тем, что “*специально называется ядом. Ведь целый ряд лекарственных средств по самой своей природе и характеру годится для этого, и этим часто пользуются преступники*”.

Разумеется, говорил Вышинский все это не только для того, чтобы, как чеховский герой, “свою образованность показать”. Главное состояло в том, что никаких доказательств вины врачей (за исключением их “добровольных признаний”) у государственного обвинителя, как показал процесс, не было, да и быть не могло. Поэтому-то в своих обвинениях он подводил к тому, что настоящие доказательства как будто бы и не нужны: их заменяли изощренная словесная риторика и ни на чем не основанные суждения, издевательски перекрываемые явной грубостью и близкой к площадной бранью.

Верхом бесстыдства были “антимедицинские” высказывания государственного обвинителя, его стремление придать врачебной профессии некий криминальный оттенок. “Очень часто убийцы, – утверждал Вышинский, – используют врачей и медицинскую систему якобы для лечения, а на самом деле для того, чтобы добиться своей преступной цели”.

Вот как, при полном отсутствии доказательств преступной деятельности обвиняемых врачей, пытался повернуть дело государственный обвинитель!... Процесс еще продолжался, до приговора было, казалось бы, далеко, а “возмущенные отклики” – и рядовых медиков, и маститых профессоров – следовали один за другим: всех обвиняемых, в том числе и врачей, требовали сурово наказать. Были, к нашему стыду, коллективные заявления и похлеще.

Вот только два примера. *“Совет профессоров I Московского медицинского института выражает свой гнев, ненависть и возмущение по поводу беспримерных по своей подлости и предательству преступлений Бухарина, Рыкова и Ягоды и их приспешников – Плетнева, Левина, Казакова и других... Совет профессоров клеймит омерзительные деяния этих извергов и требует от Верховного Суда беспощадной кары закоренелым предателям и преступникам”*. А проходивший в Уфе в марте 1938 г. I-й Всебашкирский научно-организационный съезд врачей *“вынес резолюцию, требующую смертной казни для правотроцкистской контрреволюционной банды и вырождающейся врачебной среды Плетневу, Левину, Казакову”* [19].

Конечно, теперь можно дать объективную оценку всем этим и им подобным “резолюциям”, “заявлениям” и прочим письменным документам: их появление было вызвано атмосферой тоталитарного сталинского режима, всеобщего страха и не прекращавшихся массовых репрессий.

...Одновременно с допросом медиков, оказавшихся на скамье подсудимых, Вышинский задал несколько вопросов свидетелю, некоему доктору М.Ю. Белостоцкому, врачу Лечсанупра Кремля, которого специально послали на дачу к заболевшему А.М. Горькому “для проведения внутривенных вливаний”. Как оказалось, доктор этот оказался еще и отличным “разведчиком”: например, он высказался “насчет глюкозы с строфантом и строфантином” – лекарства, которое, по его мнению, особенно любили назначать “ныне разоблаченные” доктора Плетнев и Левин. *“Я опасался этого препарата, – заявил свидетель. – Я знал из литературы, что этот препарат очень опасный, что он должен применяться при исключительных показаниях”*. Он считал тогда, что *“это не совсем правильно”*. Кроме того, было якобы *“сделано очень много сердечных инъекций”* [20]. (Через полвека специалисты – судебные медики и терапевты – подтвердили полную неоправданность обвинений в неправильном выборе и применении лекарств: на самом деле лекарства были самые лучшие для того времени, например, немецкий строфантин, дозы врачи выбирали совершенно верно).

Мнение доктора Белостоцкого было принято к сведению. Но дать полную объективную оценку действиям обвиняемых медиков должны были гораздо более компетентные специалисты, профессора и доктора медицины, включенные в состав экспертной комиссии.

По предложению Вышинского была утверждена заранее подобранная медицинская экспертная комиссия, призванная – нет, не определить, правильно ли лечили своих пациентов Левин, Плетнев, Казаков: с этим все уже было ясно, – а авторитетно подтвердить обвинения в преступной деятельности, выдвинутые против их недавних коллег.

В состав этой экспертной комиссии были включены: заслуженный деятель науки профессор Д.А. Бурмин, заслуженный деятель науки профессор Н.А. Шерешевский, профессор В.Н. Виноградов, профессор Д.М. Российский, доктор медицинских наук В.Д. Зипалов. (Впоследствии проф. Виноградов,

ученик Плетнева, стал личным врачом Сталина, а еще позже – одним из главных обвиняемых по “делу врачей” 1953 года; по этому же “делу” был репрессирован и проф. Шерешевский). Все эти эксперты не без оснований считались тогда высококвалифицированными учеными и врачами. Это признавал и подбравший их, очевидно, государственный обвинитель, подчеркнувший, что “экспертиза была составлена из выдающихся деятелей советской и мировой медицинской науки” и назвавший ее “авторитетнейшей” [21].

Эксперты послушно выполняли на процессе все, что им приказывали. Например, Вышинский при допросе доктора Казакова спросил, не для того ли он вводил Менжинскому лизаты, чтобы его убить, и получил ответ, что применявшиеся три лизата были безвредными для его пациента. Тогда государственный обвинитель передал свой вопрос на решение медицинских экспертов. После получасового перерыва комиссия экспертов целиком и полностью поддержала точку зрения Вышинского:

“Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы больного В.Р. Менжинского и тем самым к ускорению наступления его смерти.

Эксперты:

Заслуженный деятель науки профессор Д.А. Бурмин.

Заслуженный деятель науки профессор Н.А. Шерешевский.

Профессор В.Н. Виноградов.

Профессор Д.М. Российский.

Доктор медицинских наук В.Д. Зипалов

9 марта 1938 года. Москва” [22].

Получив такое заключение от послушных экспертов, Вышинский огласил “признания” Казакова на предварительном следствии. Доктору Казакову ничего не оставалось, как подтвердить свою виновность. Торжествующий Вышинский закончил допрос врача.

Когда с допросами врачей, их “подстрекателей” и “пособников” было покончено, профессор Бурмин огласил ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем. Эти ответы подтвердили все обвинения медицинского характера и виновность врачей.

Всем, входившим в состав экспертной комиссии, государственный обвинитель задавал, казалось бы, естественные в данном случае вопросы, касавшиеся назначения лекарств, их совместимости, режима дня пациентов и т.п. Правда, в каждом вопросе угадывался скрытый подтекст.

Один из последних вопросов носил явно провокационный характер и был сформулирован Вышинским жестко и недвусмысленно: “Возможно ли допустить, чтобы врачи достаточной квалификации могли применить такой неправильный метод лечения без злого умысла?” Вопрос этот требовал от экспертов такого же жесткого и недвусмысленного ответа. И этот ответ, увы, последовал: “Этого допустить нельзя” [23].

Вот как ответили эксперты на аналогичный вопрос, поставленный государственным обвинителем: *“Можно ли на основании совокупности этих данных считать установленным, что метод лечения А.М. Горького был заведомо вредительским, направленным к ускорению его смерти, с использованием для достижения этой преступной цели специальных познаний, которыми располагали обвиняемые Левин и Плетнев?”* И ответ экспертов прозвучал ясно и четко: *“Да, безусловно можно считать установленным”*.

Точно так же ответили эксперты на такой же вопрос относительно метода лечения В.В. Куйбышева и В.Р. Менжинского.

После этого Вышинский задал еще вопрос, являются ли ответы единодушным мнением всей экспертизы или кто-нибудь из экспертов имеет особую точку зрения. На что профессор Бурмин ответил кратко: *“Единодушным”* [24].

Вышинский знал, конечно, что один из экспертов – профессор Виноградов – является учеником Плетнева, который научил его врачебному мастерству, открыл ему путь в науку. Но государственный обвинитель знал, очевидно, или догадывался, что профессора Виноградова основательно “подготовили” к процессу. *“В конце 30-х годов ... Виноградова часто вызывали на Лубянку как свидетеля и эксперта по делу его учителя Д.Д. Плетнева. Во время одного из таких визитов “железный нарком” Ежов, находясь в подпитии, откровенно предостерег профессора: “Хороший ты человек, Владимир Никитович, но болтаешь много. Имей в виду, что каждый третий является моим человеком и обо всем мне доносит. Советую тебе поменьше болтать”. Нетрудно представить, какое впечатление могла произвести на Виноградова столь зловещая “рекомендация”* [25].

Данные медицинской экспертизы, подписанные всеми членами экспертной комиссии (и притом единодушно), послужили формальным основанием для последовавших суровых приговоров: Л.Г. Левин и И.Н. Казаков были приговорены к высшей мере наказания – к расстрелу (впоследствии старший сын доктора Левина, врач Г.Л. Левин, был в 1952 году арестован в связи с новым “делом врачей”); Д.Д. Плетнев получил 25 лет тюрьмы с поражением в политических правах на 5 лет по отбытии наказания и конфискацией всего личного имущества.

Не приходится говорить о том, как в условиях тоталитарного режима встретила, по сообщениям печати, эти позорные, продиктованные “вождем народов” приговоры, медицинская общественность страны. Оболваненные официальной пропагандой, запуганные страшными репрессиями, ученые-медики и врачи “единодушно поддержали” неслыханные по своей нелепости обвинения, выдвинутые против своих коллег, а затем “целиком и полностью одобрили” жесточайшие приговоры, вынесенные несправедливым судом врачам-жертвам сталинского произвола.

Вновь последовали массовые стандартные одобрительные отклики видных ученых и врачей – такие, как вот этот, например: *“С чувством глубокого удовлетворения профессора и преподаватели I Московского медицинского*

института встретили справедливый приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР..."; его подписали П.А. Герцен, М.П. Кончаловский, А.И. Абрикосов, Е.К. Сепп, А.В. Мольков, А.Г. Лихачев и другие [26].

"Преступления Плетнева сигнализируют о том, что далеко не все обстоит благополучно во врачебной среде и в медицинских общественных организациях, — негодовал журнал "Советская медицина". — ... Враги советской медицины под разными личинами сумели ... занять даже командные посты, дезорганизовать научную работу и дело создания советских кадров врачей и ученых. И только благодушие и отсутствие подлинной большевистской бдительности у некоторых руководителей научных обществ и институтов, а также руководителей НКЗдрава, позволили человеку, антиобщественное лицо которого было им по существу хорошо известно, делать свое вредное дело" [26a].

Были, впрочем, и не вполне стандартные отклики, производившие несколько странное впечатление. Так, под заголовком "Другого приговора быть не могло" члены экспертной комиссии Д.А. Бурмин, Н.А. Шерешевский, В.Н. Виноградов, Д.М. Российский, В.Д. Зипалов писали: "Мы, члены экспертной комиссии, присутствовавшие на суде, изучавшие самым тщательным образом все относящиеся к этим зверским деяниям материалы, выслушавшие подробные показания самих обвиняемых, убедились в их подлых, коварных делах..." [27]. То ли эксперты действительно радовались освобождению их от присутствия на процессе приговору, то ли отводили от себя какие-то обвинения и отвечали на невысказанную реакцию своих коллег... Плетнева приговорили к тюремному заключению на 25 лет "как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении тт. В.В. Куйбышева и А.М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению". (Показательно, что, как установил историк Г.В. Костырченко, протоколы допросов Плетнева, датированные еще декабрем 1937 года, были приобщены в 1952 году уже к новому "делу врачей") [28]. Впрочем, жизнь профессору Плетневу сохранили ненадолго: он был расстрелян в орловской тюрьме 11 сентября 1941 года. А до этого дня Плетнев писал письма. Писал о том, что оговорил себя, потому что применяли к нему физическое и психическое насилие... К кому он только не обращался — доведенный до отчаяния, даже к своему злейшему врагу Вышинскому. Он взывал к справедливости: "Покажите, пожалуйста, что добиться истины у нас в Союзе так же возможно, как и в других культурных странах"... [29]. Никто не откликнулся, никто не помог...

Обо всем этом стало известно только в 80-ые — 90-ые годы. Как сообщалось на пленуме Верховного Суда СССР (1990), в результате проведенной проверки было установлено, что 5 сентября 1941 года по указанию Берия и его заместителя Кобулова был составлен список заключенных с ходатайством об их расстреле по тем основаниям, что они проводят пораженческую агитацию. В тот же день Сталин подписал постановление Государственного Комитета

Обороны о расстреле 170 человек. При этом рассмотрение “материалов” было поручено председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР Ульриху, который “организовал” постановление приговора без возбуждения уголовного дела и с нарушением всех других требований уголовно-процессуального законодательства. Поскольку никаких доказательств, подтверждающих антисоветскую деятельность расстрелянных, не имелось, пленум Верховного Суда отменил (через полвека) все состоявшиеся в отношении них решения и полностью их реабилитировал [30].

Правда, реабилитирован Плетнев был немного раньше. Дело его было пересмотрено Верховным судом СССР 5 апреля 1985 года и отменено за отсутствием состава преступления.

Можно добавить, что реабилитация “врачей-преступников” Левина, Плетнева, Казакова не являлась пустой формальностью. Перед этим была проведена тщательная медицинская экспертиза. Особая медицинская комиссия (в нее входили, в частности, известные терапевты профессор В.Г. Попов, академик АМН А.Г. Чучалин, судебный медик профессор В.В. Томилин) пришла к выводу, что А.М. Горького, В.В. Куйбышева, В.Р. Менжинского врачи Левин, Плетнев и Казаков лечили совершенно правильно, в их действиях не обнаружено каких-либо “*неверных назначений*”.

Так, было установлено, что причиной смерти Куйбышева, страдавшего ишемической болезнью сердца, явилась закупорка тромбом правой коронарной артерии сердца: “*только оголтелое невежество*, – справедливо отмечал доктор В.Д. Тополянский, – *могло связать внезапную смерть человека от инфаркта миокарда с каким-то длительно существующим злым умыслом*”.

[31]. Выяснилось также, что никакого злого умысла не было и в лечении Менжинского, человека тучного (его вес был более 100 кг), имевшего целый “букет” болезней (тут и бронхиальная астма, и тяжелая эндокринная недостаточность). К лечению Горького, как аргументировано доказал еще и академик Е.И. Чазов (1988), тоже никаких претензий врачам предъявить было нельзя.

...Позорный процесс подходил к концу. Всем обвиняемым по делу “правотроцкистского блока” предоставили возможность произнести последнее слово.

Как отмечалось в недавние годы, в последнем слове главный обвиняемый Н.И. Бухарин, заявив о признании своей вины, фактически так изложил обстоятельства дела, что они свидетельствовали о его невиновности (как, впрочем, и о невиновности других подсудимых). Так же повели себя и подсудимые врачи: например, Л.Г. Левин, признав вначале свою вину, затем фактически опровергал обвинение. Вот что он сказал:

“Граждане судьи! В своем последнем слове я хочу еще раз подтвердить свою вину... С особой остротой я пережил все только в самые последние дни, в тюрьме еще, за короткое время до начала процесса, когда я впервые имел возможность ознакомиться с обвинительным заключением, когда я впервые из этого обвинительного заключения узнал то, чего я никогда не знал, не

предполагал, не мог предположить, не мог себе представить... Мне лично самостоятельно... не могла бы прийти дикая, совершенно нелепая, кошмарная мысль о причинении какого-нибудь самого малейшего вреда кому-нибудь из руководителей партии и правительства, большинство которых я ведь имел счастье лично знать. Мне никогда не могла бы прийти в голову такая же дикая, такая же кошмарная мысль о причинении какого-нибудь вреда, а не то что смерти Алексею Максимовичу Горькому, которого я горячо любил, это все знают, с которым был близко связан, которого я высоко ценил как одного из величайших писателей нашей страны и всего мира...". [31а].

Фактически то же самое – непризнание своей вины, опровержение клеветнических обвинений – имели в виду, выступая на процессе с последним словом, и другие “врачи-преступники” – И.Н. Казаков и Д.Д. Плетнев. В своем последнем слове профессор Плетнев сказал о том, что даже в тюрьме, во время следствия, он продолжал работать. По его просьбе ему было выдано свыше 20 книг на 4 языках из его личной библиотеки. Находясь в тюремной камере, он сумел написать монографию в 10–12 печатных листов (эта рукопись, к сожалению, не сохранилась)....

Третье “дело врачей”

После окончания Великой Отечественной войны, в тяжелых условиях послевоенного времени, тоталитарный режим вновь усилил в стране необоснованные репрессии, создававшие обстановку взаимного недоверия и подозрительности, порождавшие в обществе неуверенность и страх.

Одним из пиков, а, может быть, и своеобразным апофеозом послевоенных сталинских репрессий, стало широко известное “дело врачей”: для населения страны, для медицинской общественности оно явилось полной неожиданностью, возникло как гром среди ясного неба. Вдруг выяснилось, что широко известные московские врачи и профессора, составлявшие гордость советской медицины, на самом деле оказались вредителями и шпионами, убийцами и отравителями, презренными агентами иностранных разведок, по их заданиям творившие свои черные дела. Как же это могло случиться?... Основные события первоначально разыгрались в Лечебно-санитарном управлении (Лечсанупре) Кремля. Лечсанупр (в народе его называли “Кремлевской больницей”) был основан еще в 1918 году для медицинского обслуживания руководства страны, базировавшегося тогда в московском Кремле. С годами он превратился в большое медицинское объединение, располагавшее собственными больницами, поликлиниками, санаториями и домами отдыха. Здесь работали сотни медиков – врачей, медицинских сестер, лаборантов, фельдшеров и акушеров (при том, что на местах, в центрах республик и областей, существовали свои лечсанупры). Но главной “медицинской силой” Лечсанупра Кремля были профессора-консультанты – их подбирали из числа наиболее авторитетных клиницистов московских медицинских вузов и научно-исследовательских институтов, на них лежала главная

ответственность за лечение и охрану здоровья "прикрепленного контингента" (руководителей страны и членов их семей).

Работать в системе Лечсанупра – особой, привилегированной медицинской службе, обеспечивавшей "прикрепленный контингент" всеми видами медицинской помощи, – было, видимо, престижно, хотя и совсем нелегко. Так, у академика Е.И. Чазова остались нелестные "воспоминания о Кремлевской больнице, где мне пришлось работать врачом в 1956/57 годах, воспоминания о привередливом и избалованном "контингенте" прикрепленных, постоянный контроль за каждым шагом в работе и жизни со стороны КГБ" [1].

Позднее Е.И. Чазов, назначенный в 1967 году начальником сменившего Лечсанупр 4-го Управления, вспоминал: "К слову сказать, уровень врачей Управления в тот период был крайне низок. Мой учитель А.Л. Мясников, который терпеть не мог это Управление и не любил там консультировать (может быть, из-за воспоминаний о последних днях Сталина, в лечении которого он участвовал), с ехидцей говаривал: "Там полы паркетные, а врачи анкетные". Он намекал, что при приеме на работу отдавалось предпочтение не квалификации, а показной верности идеалам партии, политической болтовне и демагогии". [2].

И в предыдущий период, в 40-ых – 50-ых годах, уровень врачей Лечсанупра, в большинстве своем "анкетных", оставался невысоким. Вот что говорилось об этом на проходившем 3 февраля 1953 года заседании коллегии Министерства здравоохранения СССР. "Некоторые из нас сами там лечились, – сказал заместитель министра А.Н. Шабанов, – и сами прекрасно знают о том, что роль лечащего врача там сведена до минимума; там привыкли проводить лечение больного с большим количеством консультаций, а это создает безответственность" [3]. "Я обследовала работу поликлиники Лечсанупра Кремля, – сообщила другой заместитель министра И.Г. Булкина, – ... работа врачей поликлиники Лечсанупра ... находится на чрезвычайно низком уровне". [4]. "Хуже, чем в рядовой поликлинике", – поддержал еще один заместитель министра А.З. Белоусов [5].

Хотя о деятельности врачей Лечсанупра сообщалось немного, все-таки благодаря довольно широкому кругу профессоров-консультантов московские медики были в какой-то мере осведомлены о наиболее значимых событиях в Кремлевской больнице.

Одно из таких событий произошло в сентябре 1952 г., когда по инициативе Л.П. Берия, многие годы курировавшего карательные органы (печально известные НКВД-НКГБ-МГБ), известный терапевт профессор П.И. Егоров, занимавший с 1947 года должность начальника Лечсанупра Кремля, был заменен генерал-майором И.И. Купериным, работавшим начальником медикосанитарного отдела АХУ МГБ СССР и тесно связанным с Берией. [6].

Прошел слух (очень скоро подтвердившийся), что в Лечсанупре, да и в ряде других медицинских учреждений, началась активная "чистка", в ходе которой

“в связи с реорганизацией” увольнялись как ведущие специалисты, так и рядовые сотрудники. Например, в Лечсанупре Кремля только с сентября по декабрь 1952 года было уволено около двух десятков профессоров-консультантов [7].

Затем началось и вовсе непонятное. Репрессии затронули, казалось бы, “неприкасаемых” – самых видных, самых авторитетных специалистов Лечсанупра, ответственных за здоровье тогдашних вождей партии и государства. Так, 4 ноября 1952 г, как свидетельствует ордер на арест, был арестован личный врач Сталина и ведущий терапевт Лечсанупра профессор В.Н. Виноградов. Через 10 дней, 14 ноября 1952 г., подтверждает такой же ордер, арестовали другого ведущего терапевта профессора М.С. Вовси. [7а] (Подлинные ордера на их арест демонстрировались на выставке “1953. Между прошлым и будущим”, которая была открыта весной 2003 года в Москве, в помещении Госархива на Пироговской улице, и приурочена к 50-летию со дня смерти Сталина). Не избежали ареста и другие видные профессора и врачи. Как вспоминал А.В. Зеленин (сын проходившего по “делу врачей” видного терапевта В.Ф. Зеленина), в кооперативном доме на Кутузовском проспекте, где жили многие профессора, в том числе и их семья, ночные аресты стали тогда привычным явлением.

Все разъяснилось, наконец, 13 января 1953 года, когда во всех советских газетах в разделе “Хроника” было опубликовано сообщение ТАСС под душой леденящим заголовком “Арест группы врачей-вредителей”: перед этим, 9 января, высшая элита партии и государства – Бюро Президиума и секретари ЦК КПСС, собравшиеся практически в полном составе (не было только самого Сталина), утвердили текст этого сообщения.

В сообщении говорилось:

“Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М.С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М.Б., врач-терапевт; профессор Коган Б.Б., врач-терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали

данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Следствием установлено, что преступники также сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неправильно применили при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А.М., маршала Говорова Л.А., маршала Конева И.С., генерала армии Штеменко С.М., адмирала Левченко Г.И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт", созданной американской разведкой якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву "об истреблении руководящих кадров СССР" из США от организации "Джойнт" через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михозэла.

Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время" [8].

Всем медикам, всему народу было сообщено о причинах событий в "медицинском мире", снова, как и в 1938 году, получивших название "дело врачей". И хотя врачи эти – "врачи-преступники", "врачи-убийцы" – в 1953 году были совсем другими, абсурдность, надуманность и нелепость предъявлявшихся им обвинений остались, по сути дела, теми же самыми.

В общем, через 15 лет эта трагедия, но в гораздо более широких масштабах, повторилась вновь. Аресты врачей и профессоров продолжались и в январе, и в феврале, и в марте 1953 года, причем не только в Лечсанупре Кремля, но и в других медицинских учреждениях.

У нового “дела врачей” была предыстория. Е.И. Смирнов, снятый в 1953 году, в связи с новым “делом врачей”, с поста министра здравоохранения СССР, вспоминал примечательный разговор со Сталиным. Этот разговор состоялся задолго до опубликования сообщения ТАСС об аресте “группы врачей-вредителей”. Сталин, услышав от Смирнова, что его любимца Жданова и известного болгарского коммуниста Димитрова лечил один и тот же врач, произнес тихим голосом, в котором чувствовалась ярость от подтвердившегося подозрения: “Странно. Один врач лечил, и оба умерли”. Неумолимая логика корифея всех наук! [9].

Любопытно, каково было мнение бывшего министра здравоохранения Е.И. Смирнова о “деле врачей”, которое он честно и нелицеприятно высказал впоследствии, в 1987 году, в “Медицинской газете”: “Культ личности... не имеет оправдания. Замечу только, что вряд ли бы окрепла губительная сила культа личности, если бы он не отражал определенный уровень политической культуры масс. С именем Сталина невиновые шли на расстрел, в день его смерти плакали и те, кто пострадал от репрессий. И самым нелепым “делом врагов народа” верили безоговорочно. Как верил и я в законность “дела врачей”, из-за которого, кстати, и был снят с должности министра здравоохранения СССР с формулировкой “за политическую беспечность”. [10]. Правда, по другим источникам постановление ЦК КПСС от 4 декабря 1952 года, нацеленное на искоренение “вредительства в лечебном деле”, предусматривало также снятие Е.И. Смирнова с поста министра здравоохранения СССР за то, что тот якобы потворствовал своим преступным коллегам и “сросся с ними на почве пьянства” [11].

Историк Г.В. Костырченко, знакомясь с документами бывшего КГБ СССР, установил, что еще в принятом 11 июля 1951 года секретном постановлении ЦК ВКП(б) “О неблагоприятном положении в МГБ СССР” новому руководству органов давалась директива “*вскрыть существующую среди врачей группу, проводящую вредительскую работу против руководителей партии и правительства*”. Сменивший Абакумова на посту министра госбезопасности партаппаратчик Игнатьев сразу после смерти Сталина в своих объяснениях по “делу врачей” заявил, что при назначении на эту должность последний (Сталин) потребовал от него принятия “*решительных мер по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой он давно убежден*” [12].

Интересные факты о предыстории “дела врачей” приводятся в статье доктора исторических наук А.В. Пыжикова “Последние месяцы диктатора (1952–1953 годы)”, написанной на основании анализа большого фактического материала, в т.ч. архивных документов.

“События стали стремительно развиваться после 1 декабря 1952 г., когда состоялось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС (иногда его называют Пленумом ЦК), – говорится в статье. – ...Речь Сталина носила программный характер. Он не просто обрушился с резкой критикой на “американский империализм” и его “сионистских пособников”, но и потребовал

очередной перестройки органов государственной безопасности, на которые возложил ответственность за негативные стороны жизни общества После заседания Президиума ЦК 1 декабря 1952 г. была ускорена реализация ряда мер органов госбезопасности ... Начались аресты по "делу врачей". Их справедливо считали одним из звеньев в готовящейся Сталиным акции по смещению Берии.

Заседание Президиума ЦК, состоявшееся в день убийства Кирова [т.е 1 декабря 1952 г.: Киров был убит 1 декабря 1934 г. – М.М.], имеет определяющее значение для последних трех месяцев жизни Сталина. Именно здесь было объявлено о так называемом деле врачей. В выступлениях руководства МГБ оглашались материалы, касающиеся этого вопроса" [13].

Как выяснил, изучив архивные документы, историк Р.Г. Пихоя, выводы по "делу врачей" содержатся в подробном отчете министра госбезопасности С.Д. Игнатьева, направленном в ноябре 1952 г. Сталину. В нем находится и история расследования, и та официальная позиция, которую представляло следствие. В этом отчете говорится, что на основании решения ЦК от 11 июля 1951 г. "О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности" была создана специальная следственная группа, которая изучила все сведения о медицинском персонале, в разное время причастном к работе в Лечебно-санитарном управлении Кремля. Следствие использовало данные агентурного наблюдения и секретного подслушивания. Были изучены истории болезней пациентов Кремлевской больницы. Следователи оценили работу крупнейших медицинских специалистов страны как совершенно неудовлетворительную.

"При изучении материалов на медицинских работников Лечсанупра, – говорилось в отчете, – вскрылась большая засоренность кадров этого ответственного лечебного учреждения лицами, не внушающими политического доверия по своим связям с антисоветскими элементами в прошлой враждебной деятельности". В результате такого медико-политического чекистского исследования был сделан вывод, что там "не создавались необходимые условия для надежного лечения больных, не было обеспечено добросовестное лечение и необходимый уход... за... руководителями зарубежных компартий и стран народной демократии, в том числе за товарищами Токуда, Торезом и Димитровым".

Внимание следствия привлекла смерть А.С. Щербакова и А.А. Жданова. "Лечение тов. Щербакова, – утверждал С.Д. Игнатьев, – велось рассчитанно преступно". Были арестованы заместитель директора санатория "Барвиха" Рыжиков, начальник Лечсанупра Кремля Бусалов, консультант Лечсанупра Виноградов ... Их обвинили в том, что врачи "не использовали возможности сердечной терапии, неправильно применяли такие сильнодействующие средства, как морфий, пантопин, симпатол и различные снотворные". Щербакову после инфаркта "злонамеренно разрешили" вставать с постели. "Лечение товарища Жданова велось так же преступно", – утверждалось в отчете

Игнатьева. Были арестованы все врачи, лечившие Жданова в последние годы его жизни, – профессора Егоров, Виноградов, Василенко, врачи Майоров и Карпай, патологоанатом Федоров, обвиненный в том, что умышленно скрыл сведения об инфаркте Жданова.

“Следствием установлено, что Егоров и Федоров – морально разложившиеся люди, Майоров – выходец из помещичьей среды, Виноградов – примыкавший в прошлом к эсерам, Василенко – скрывший с 1922 г. свое исключение из ВКП(б), и связанная с ними еврейская националистка Карпай – все они составляли вражескую группу, действовавшую в Лечсанупре Кремля, и стремились при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь” – такой вывод содержался в докладе Игнатьева Сталину.

Все арестованные под пытками дали показания о том, что они плохо относились к Советской власти, что они уже несколько лет существуют как организованная террористическая группа, что руководитель этой группы – профессор П.И. Егоров, *“враждебно относясь к партии и Советской власти, действовал по указаниям врага народа А.А. Кузнецова, который в связи со своими вражескими замыслами был заинтересован в устранении товарища Жданова”*. Таким образом, *“дело врачей”* непосредственно оказывалось связанным с другой провокацией МГБ – так называемым *“ленинградским делом”* [13а].

Об этом отчете министра Игнатьева, который, по всей вероятности, и представлял пресловутые *“материалы руководства МГБ”*, позволяет судить статья, опубликованная, наряду с сообщением ТАСС, в *“Правде”* 13 января 1953 г. под заголовком *“Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей”*. В статье, рассчитанной на самого широкого читателя, комментировались и, так сказать, расширялись факты, приведенные в сообщении ТАСС. Так, среди жертв врачей-преступников назывались не только уже известные из сообщения ТАСС А.А. Жданов и А.С. Щербаков, но и подзабытые уже *“жертвы”* предыдущего *“дела врачей 1938 года”* – А.М. Горький, В.В. Куйбышев, В.Р. Менжинский, упоминались прежние *“врачи-убийцы”* Плетнев, Левин. Таким образом, формировалась единая злодейская линия действий врачей-вредителей, продолжавших безнаказанно орудовать в стране многие годы. Отсюда вполне логичным был вывод о повышении бдительности и борьбе с ротозейством, что стало, в частности, важной задачей для вновь назначенных 27 января 1953 года министра здравоохранения СССР А.Ф. Третьякова и его первых заместителей М.Д. Ковригиной и Н.Н. Жукова-Вережникова.

28 января в Министерство здравоохранения приехал секретарь ЦК КПСС Н.М. Пегов, сообщивший об этих назначениях. *“До ЦК партии доходят слухи, – сказал Пегов, – что в министерстве имеет место некоторая растерянность. Надо, чтобы сейчас коллегия все взяла в свои руки и решала вопросы.... Сейчас время такое, когда Министерству здравоохранения надо быстро восстанавливать свой авторитет”*. А новый министр А.Ф. Третьяков

нацелил всех “на решительную борьбу с теми мерзавцами, которые у нас оказались. Надо положить, что еще не все они вскрыты и мы должны помочь партии и правительству вскрыть не обнаруженные еще очаги и очажки этих мерзавцев, диверсантов” [14].

Вскоре стали известны не только преступники из числа профессоров и врачей, но и те, кто помог разоблачить их: это были подлинные “герои”, вернее, одна “героиня”. 20 января 1953 года “за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц”, врач Л.Ф. Тимашук была отмечена высшей наградой — орденом Ленина. В тот же день Тимашук пригласили в Кремль и “Маленков лично сообщил ей, что Сталин вынес ей благодарность за проявленное ею ...большое мужество” [14а]. (На XX съезде партии в докладе “О культе личности Сталина” Н.С. Хрущев, напомнив о деле “врачей-вредителей”, сказал, что “собственно, никакого “дела” не было, кроме заявления врача Тимашук, которая может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи, якобы, применяют неправильные методы лечения”) [15].

Вот как комментировала это “геройство” известная журналистка Е. Кононенко в очерке “Патриотка Лидия Тимашук”, опубликованном в газете “Медицинский работник”:

“Группа врачей оказалась шайкой наймитов американской и английской разведок, продажными тварями, которые прятали под белоснежными халатами нож и яд... Поймать их советской власти, Родине, народу помогла простая советская женщина, рядовой врач Лидия Феодосьевна Тимашук, которая нам всем сейчас стала родной... Она, скромный рядовой врач, не имеющая ученого звания, вступила в единоборство... с целой группой “врачей”, обладавших учеными степенями, известными именами... Это было трудно, очень трудно... Ее стыдят за медицинское невежество, обвиняют в легкомыслии, бестактности ... Но она не опускает ни головы, ни рук... Борьба выходит за пределы больницы. Борьба крайне сложная, мучительная. У этой своры расставлены свои люди. ... И вот наконец разоблачили эту искусно замаскированную шайку, эту черную свору. Впервые за много, много месяцев Лидия Феодосьевна спокойно заснула: убийцы пойманы” [15а].

Стоит добавить, что нашлись и другие охотники взвалить на арестованных медиков тяжелейшие обвинения. Среди них оказался и видный полководец маршал И.С. Конев. “Маршал Конев, сам уже больной человек, прислал Сталину длинное письмо, — свидетельствовал Н.С. Хрущев, — в котором сообщал, что врачи его тоже травили, тоже неправильно лечили, применяли те же лекарства и методы лечения, о которых говорилось в письме Тимашук и посредством которых Жданов был сознательно умерщвлен... Письмо, которое прислал Конев, клеймило не только тех, которые уже были “выявлены”, но толкало Сталина на расширение круга подозреваемых и вообще на

недоверие к врачам” [16]. Что касается недоверия к врачам, то оно, не без усилий печати и радио, направляемых партийными идеологами, в это время росло, ширилось.

Старт пропагандистской кампании был дан, машина заработала. Со страниц газет и журналов, вместе с призывами повысить бдительность и покончить с ротозейством, полились потоки грязи на врачей, в первую очередь на тех, кого уже разоблачили органы госбезопасности с помощью “простой советской женщины” Тимашук, но и на многих других тоже.

Тон задавал центральный партийный орган и главная газета страны “Правда”. В эти дни здесь была опубликована серия статей под характерными заголовками: “Покончить с ротозейством в наших рядах” (18 января), “Свободные народы повышают бдительность” (27 февраля), “Ротозеи-пособники врага” (31 января), “Бдительность – наше оружие” (8 февраля) и др.

На проходившем 12 февраля 1953 года совещании в министерстве здравоохранения новый министр А.Ф. Третьяков поддержал все эти выступления главной газеты страны и заявил: “Орган нашей партии “Правда” из номера в номер печатает острые фельетоны, в которых раскрывает каверзность наших врагов, плохую работу, плохое поведение политически бесчестных людей и всяких проходимцев ... Центральный орган нашей партии при помощи этих фельетонов преподает нам всем поучительные уроки ... Из этих фельетонов мы можем черпать ... указания, как действовать сегодня и завтра” [16а].

“Правда” поместила письма трудящихся, адресованные Л.Ф. Тимашук (статья О. Чететкиной “Почта Лидии Тимашук”, проявившей ту самую бдительность и разоблачившую “врагов” в медицине. Вот строки одного из них: “Своим мужественным и высокопатриотическим поступком вы внесли немалый вклад в дело мира”. А вот еще одно: “Если бы было возможно иметь ваш портрет, поставили бы его на самое дорогое место” [17].

Новое “дело врачей” не только значительно выросло количественно – обвиняемых профессоров и врачей было уже около десятка (в конечном счете оказалось куда больше): оно изменилось и качественно – в частности, выявленные якобы “преступления” медиков открыто разжигали шовинистические, антисемитские настроения. Несомненно, “дело врачей” 1953 года обещало превратиться в еще более грандиозный и страшный спектакль, нежели суд над врачами в 1938 году.

В то же время лубянские следователи старались связать новое “дело врачей” с процессом 1938 года. 15 ноября 1952 г. они выбили из профессора В.Х. Василенко следующее откровение: “...Судебный процесс по делу Плетнева... открыл передо мной технику умерщвления путем заведомо неправильного лечения больного. Из материалов процесса я понял... что врач может не только навредить больному, но и коварным способом довести его до смерти. К этой мысли я в последующие годы возвращался не раз, вспоминая Плетнева, которого знал лично. Когда в июле 1948 г. я оказался у кровати больного Жданова, я невольно опять вспомнил о Плетневе, о том, как он

занимался умерщвлением... И я решился, решился пойти на умерщвление Жданова А.А.” [18].

Сейчас уже известно, что Сталин внимательно следил за ходом проводившегося органами госбезопасности “следствия”, более того, направлял его, подсказывал заплочных дел мастерам, как вести себя с арестованными. Особое “внимание” он проявлял к В.Н. Виноградову, своему многолетнему личному врачу.

“Как мне рассказывал впоследствии сын В.Н. Виноградова – Владимир, с которым я учился вместе и был дружен, нередко посещал его дома, – вспоминал профессор А.М. Ногаллер, – Владимир Никитич в качестве лечащего врача сказал Сталину, что, учитывая его состояние здоровья (гипертония, атеросклероз), ему следовало бы ограничить рабочую нагрузку. Так обычно рекомендуют врачи подобным пациентам. Но это могло не понравиться диктатору со всеми вытекающими отсюда последствиями” [19].

Последствия оказались ужасными. “Вождь народов” приказывал непосредственно руководившему “операцией” генералу госбезопасности Рюмину ужесточить следствие, использовать кандалы, особенно в отношении своего личного врача профессора Виноградова. (Об этом свидетельствовали служебные документы, с которыми Берия после смерти Сталина ознакомил членов ЦК партии. “Чтение было тяжкое, – вспоминал смотревший эти документы писатель Константин Симонов, – записи были похожи на правду и свидетельствовали о болезненном психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом. Берия как бы отрекался от Сталина. Около недели эти документы были в ходу. После этого с ними никогда уже не знакомили”). [20].

Это подтверждал и такой авторитетный свидетель как Н.С. Хрущев. “Я лично слышал, как Сталин не раз звонил Игнатьеву – писал Хрущев в своих воспоминаниях. – ...Сталин звонит ему ...и разговаривает по телефону в нашем присутствии, выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в порошок. Он требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы” [21].

Министр госбезопасности Игнатьев не только неуклонно выполнял изуверские приказания “вождя народов”, но и сам проявлял такую же инициативу. “Рюмин, – пишет Р.Г. Пихоя, – непосредственно занимавшийся допросами [арестованных врачей – М.М.], сообщал позже, что его “куратор” из ЦК ВКП(б) С.Д. Игнатьев дал указание бить их “смертным боем” [21а].

А как реагировало на новое “дело врачей” советское общество, население, простые люди? Как отнеслись в стране к медицинской интеллигенции, на которую обрушился поток откровенной лжи и самых невероятных обвинений? “Реакция населения у нас была неоднозначной, – писал о том времени профессор Я.Л. Рапопорт. – Многие, одурманенные пропагандой, приняли сообщение ТАСС на веру, с озлоблением против извергов рода человеческого. Не забуду перекошенного от ненависти лица моей лаборантки, процедившей

сквозь зубы: "Проклятые интеллигенты, кувалдой бы их, кувалдой по черепу". Можно было не сомневаться, что, если бы ей дали в руки кувалду, эта в общем совсем некровожадная женщина воспользовалась бы ею. В учреждениях проходили стихийные и организованные митинги с требованием суровой казни для преступников. Страсти разжигала и печать, буквально неистовствовавшая в обличительном словозвержении. Карикатурам, которые помещал "Крокодил", могла бы позавидовать самая черносотенная печать царского времени.

Еще одна форма реакции на сообщение о "врачах-вредителях" – панический ужас перед белыми халатами. В тех, кто их носил, обыватели видели потенциального, если не уже действующего, убийцу. Это напоминало холерные бунты, возникавшие в прошлом [т.е. в XIX – М.М.] веке в различных областях России. Вспышки ярости, накопленной годами нищеты и бедствий крестьян, начале были направлены против медицинского персонала, самоотверженно боровшегося с ужасной болезнью. Темные массы приписывали медикам распространение холеры, и многие врачи пали жертвами этой ярости. Разница была в том, что "холерный бунт" сталинского образца был организованным, в гнев народа – направленным и регулируемым.

Из уст в уста передавались "достоверные" сведения о случаях смерти больного после визита врача, якобы арестованного и тут же расстрелянного. Упала посещаемость поликлиник, пустовали аптеки. Над врачами тяготел страх уголовной ответственности за свои действия, которые больному или его родственникам покажутся преступными" [22].

Об этом же свидетельствовали и другие видные медики. "Конечно, в истории медицины, скажем в средние века, нередко происходили печальные, порой даже непонятные явления и события, которые надолго отодвигали или тормозили развитие науки о человеке. Но то, что имело место в нашей стране, можно назвать только варварством, – писал известный хирург Б.В. Петровский. – Вспоминается, как зимним январским утром 1953 г., придя в клинику во 2-й градской больнице, я был буквально поражен сообщением, опубликованным в газетах: арестована группа известных врачей-вредителей, якобы принимавших участие в устранении крупных государственных и общественных деятелей, военачальников, ученых, писателей... Нетрудно представить, какое настроение и какие ощущения охватили всех врачей клиники. К стыду нашему, в других учреждениях не обошлось и без тех, кто "разоблачал" своих коллег. Но что гораздо печальнее – появились больные, которые с ненавистью (полностью поверив газетному сообщению) стали относиться ко всем медикам". [23].

Да, отношение к медикам – не только профессорам, но и рядовым врачам, медсестрам, фельдшерам, лаборантам, ко всем людям в белых халатах – изменилось: нагнетавшиеся официальной пропагандой подозрительность, недоверие, ато и прямая враждебность к врачам и медицине, давали свои ядовитые плоды. Это признавали и руководители Министерств здравоохранения.

“В поликлиниках и больницах усложнилась работа медицинских работников, – вынужден был доложить в феврале 1953 года на заседании коллегии министерства заместитель министра А.Н. Шабанов, – появилось недоверие у некоторых граждан. Об этом мы много слышали за последнее время” [24]. Это было действительно так, и “некоторых граждан” оказалось немало.

“Шпиономания, замешанная на изрядной порции антисемитизма, захлестнула советское общество первой половины 1953 г., – пишет А.В. Пыжиков. – В информации ЦК КПСС об откликах на сообщение об аресте “врачей-вредителей” [эта информация, по его данным, находится в Центральном архиве общественных движений г. Москвы, ф. 3, оп. 151, д. 13 – М.М.] говорилось о повсеместных требованиях увольнять евреев, люди отказывались посещать врачей-евреев. Эти настроения сохранились в обществе и после смерти Сталина ... Несомненно, волна шпиономании была инспирирована самим Сталиным”. [25].

Конечно, в этом сомневаться не приходится: авторство “вождя народов” в этой грязной и подлой провокации, его позорный “приоритет” были бесспорными. Предсказуемой оказалась и позиция коллег арестованных “врачей-вредителей”. Так, по словам заместителя министра здравоохранения И.Г. Кочергина, курировавшего медицинскую науку, “актив Академии медицинских наук на второй же день после опубликования сообщения ТАСС о профессорах-убийцах своим единодушным решением исключил их из своего состава и лишил почетного звания действительных членов АМН ... Актив Академии заклеил позором этих предателей” [26]. Правда, по уставу только общее собрание, а никакой не актив, могли исключить “профессоров-убийц” из Академии медицинских наук; но натакую мелочь никто не обратил внимания.

“Дело врачей” – затеянная Сталиным новая провокация против медицинской интеллигенции – вызвала волну осуждения во всем мире. “Реакция общественного мнения и государственных деятелей зарубежного мира была весьма активной в попытке повлиять на здравый смысл советских руководителей или пробудить его. Тогдашний президент США Д. Эйзенхауэр, командовавший войсками союзных армий во второй мировой войне, заявил в категорических выражениях, что поручил со всей тщательностью выяснить, была ли какая-нибудь связь у арестованных советских медиков с американскими разведывательными органами. Он заверил, что даже имена “американских шпионов” этим органам неизвестны. В таком же духе было выдержано заявление У. Черчилля и других государственных деятелей Великобритании. Международная ассоциация юристов-демократов, всегда занимавшая активную просоветскую позицию, обратилась с требованием участия ее представителей в суде над “убийцами в белых халатах”, в чем ей было отказано. Можно утверждать, что “дело врачей” сыграло немалую роль в критическом осмыслении основ сталинского режима той частью западной интеллигенции, которая до этого с симпатией и пониманием относилась к нашей стране”. [27].

Масштабы развернувшейся провокации хотя и превышали уровень 1938 года (там было всего-то три врача), все же выглядели, на первый взгляд, сравнительно небольшими. В известном сообщении ТАСС от 13 января 1953 года об аресте врачей-вредителей приводилось лишь семь фамилий – М.С. Вовси, В.Н. Виноградова, Б.Б. Когана и некоторых других.

Правда, в опубликованном 4 апреля 1953 года сообщении Министерства внутренних дел (вновь образованного после смерти Сталина) приводились фамилии как будто бы всех тех, кто был привлечен по “делу врачей”: это были профессор М.С. Вовси, профессор В.Н. Виноградов, профессор М.Б. Коган, профессор Б.Б. Коган, профессор П.И. Егоров, профессор А.И. Фельдман, профессор Я.Г. Эттингер, профессор В.Х. Василенко, профессор А.М. Гринштейн, профессор В.Ф. Зеленин, профессор Б.С. Преображенский, профессор Н.А. Попова, профессор В.В. Закусов, профессор Н.А. Шерешевский, врач Г.И. Майоров. Таким образом, в списке было теперь уже 15 человек.

Однако и эти 15 фамилий, значительно расширявшие первоначальный перечень “врачей-убийц”, не исчерпывали всех тех, кого насильственно лишили свободы, допрашивали, истязали, подвергая не только физическому, но и иному воздействию. На самом деле этих самых “врачей-вредителей”, которых “обезвредили” органы госбезопасности, оказалось гораздо больше, около четырех десятков. Это подтверждал один из экспонатов упоминавшейся уже выставки. Там демонстрировался, в частности, важнейший документ – протокол № 3 заседания Политбюро ЦК КПСС, проходившего 3 апреля 1953 г. В этом протоколе сказано: *“Принять предложение Министерства внутренних дел СССР: а) о полной реабилитации и освобождении из-под стражи врачей и членов их семей, арестованных по так называемому “делу о врачах-вредителях”, в количестве 37 человек”*. [28].

Известно, например, что среди арестованных были известные ученые-медики и профессора, видные врачи, представлявшие самые разные медицинские специальности, – психиатр М.Я. Серейский, патологоанатом А.Н. Федоров, отоларинголог Я.С. Темкин, терапевт М.Н. Егоров, биохимик Б.И. Збарский, терапевт Э.М. Гельштейн, хирург А.А. Бусалов, акушер-гинеколог И.И. Фейгель, терапевт Н.Л. Вильк, фтизиатр С.Е. Незлин, терапевт Р.И. Рыжиков, терапевт В.Е. Незлин, патологоанатом Я.Л. Рапопорт и другие. Аресты врачей шли не только в Москве, но и в других городах. Так, по словам ведавшего кадрами заместителя министра здравоохранения А.З. Белоусова, *“в Челябинском институте тоже прорыв оказался большой, там большинство людей арестовано”* [29]. В Ленинграде взяли под стражу профессора-отоларинголога Р.А. Засосова из Военно-морской медицинской академии и профессора-фармаколога В.В. Закусова из Института экспериментальной медицины. В Рязани по обвинению во “вредительстве” был арестован профессор М.А. Егоров, такая же участь ожидала профессоров-хирургов В.А. Жмура, Б.П. Кириллова, И.Л. Фаермана – их выручил только приезд из Москвы комиссии во главе с известным хирургом Б.В. Петровским [30].

Таким образом, “дело врачей” стало отправной точкой развернувшейся кампании репрессий против медицинской интеллигенции. Об этом ясно и недвусмысленно заявил новый министр здравоохранения А.Ф. Третьяков. На проходившем 3 февраля заседании коллегии министерства он сказал: *“На следующем этапе много придется выбросить людей, которые годами, а некоторые десятилетиями, пользуясь отсутствием политической бдительности, пользуясь ротозейством и благодушием отдельных руководителей, работников министерства, занимали без всяких к тому оснований кафедры, руководящие посты в институтах, в аппарате министерства здравоохранения Союза, в министерствах союзных республик”*. Более того: обращаясь к ведавшему медицинской промышленностью заместителю министра Остепчуку, Третьяков сказал: *“Вредительство у вас на заводах может быть”* [30а]. В медицинских институтах и институтах усовершенствования врачей, в различных научно-исследовательских и лечебно-профилактических учреждениях под флагом “аттестации кадров”, а также “реорганизации”, проходили чистки, в ходе которых избавлялись от неудобных сотрудников. Так, приказами заместителя министра по кадрам А.З. Белоусова было проведено упразднение одних и объединение других кафедр с сокращением профессорско-преподавательского состава в Харьковском (29 января 1953 года), Одесском (10 февраля), Киевском, Казанском и Ташкентском институтах усовершенствования врачей, Рязанском, 2-ом и 1-ом Московских и 1-ом Ленинградском медицинских институтах и др. Эта компания продолжалась даже после смерти Сталина: 16 марта 1953 года (“дело врачей” еще официально не было прекращено) приказами А.З. Белоусова были сокращены 7 должностей научных сотрудников в институте переливания крови, 20 должностей – в институте антибиотиков, 7 должностей в институте акушерства и гинекологии, 3 должности в институте психиатрии, 6 должностей в институте экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов, 2 должности в кожно-венерологическом институте и др. [31].

Считается, что основные аресты продолжались несколько месяцев, с конца 1952 года до марта 1953 года. Эти продолжительные и достаточно массовые репрессии, направленные против медиков, должны были, очевидно, создать видимость настоящего “заговора”, с разветвленной сетью “заговорщиков и тайных агентов”. Более того: к “врачам-убийцам” пытались, видимо, пристегнуть и других “заговорщиков и тайных агентов”. Так, начальнику главного управления охраны МГБ генерал-лейтенанту Н.С. Власику, арестованному 16 декабря 1952 года, было предъявлено обвинение “в потакательстве врачам-отравителям” [31а].

Увы, пока что не представляется возможным назвать точное число тех, кого сталинские карательные органы готовили к предстоящему судилищу – громкому процессу над врачами, над интеллигенцией, над медициной... Смерть Сталина перечеркнула эти чудовищные планы. И сразу после похороны “вождя народов” пришедшие к власти его соратники забили отбой.

Уже 13 марта 1953 г., меньше чем через неделю после похорон Сталина, Л.П. Берия, назначенный главой министерства внутренних дел, вобравшего в себя и бывшее министерство государственной безопасности, отдал приказание, в котором говорилось: *“В целях ускорения рассмотрения следственных дел, находящихся в производстве отделов и управлений МВД СССР, создать следственную группу по делу арестованных врачей”* [32] (цитирую по документу, демонстрировавшемуся на той же, упоминавшейся выше выставке: речь шла уже о новой “следственной группе”).

А 4 апреля, на следующий день после уже упоминавшегося заседания Политбюро ЦК КПСС, на котором и обсуждались, очевидно, результаты “ускорения рассмотрения следственных дел”, во всех газетах было опубликовано сообщение о полной реабилитации всех фигурантов задуманного Сталиным, но так и не доведенного, слава Богу, до конца “дела врачей” 1953 года. Подчеркивалось, что все они были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности неправильно, без каких-либо законных оснований. Драматические события подходили к концу. Проверка показала, что выдвинутые против врачей обвинения являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Было установлено, что показания (“признания”) арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия. В результате, на основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, все арестованные и привлеченные по этому делу были полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены. А лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

В тот же день закатилась звезда “героини” позорного “дела врачей”. Президиум Верховного Совета СССР постановил отменить Указ от 20 января 1953 года о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф. как неправильный, в связи с выявившимися действительными обстоятельствами. Кроме того, был отстранен от дел и освобожден от обязанностей секретаря ЦК партии только что назначенный на эту высокую должность бывший министр госбезопасности С.Д. Игнатьев, арестован (и затем расстрелян) его заместитель генерал М.Д. Рюмин, основной исполнитель “дела врачей”, арестованы и приговорены к различным наказаниям другие, причастные к позорному “делу врачей” сотрудники органов госбезопасности.

Газета “Правда” опубликовала 6 апреля 1953 года передовую статью “Советская социалистическая законность неприкосновенна” — ее перепечатали все советские газеты. В статье говорилось, что начальник следственной части

Рюмин, ныне арестованный, и некоторые работники Министерства государственной безопасности в своих преступных целях пошли на грубейшие нарушения советской законности, вплоть до прямой фальсификации обвинительных материалов.

Главная газета страны подчеркивала, что не на высоте оказалась созданная в связи с обвинением против группы врачей медицинско-экспертная комиссия, которая дала неправильное заключение по методам лечения, примененным в свое время к А.С. Щербакову и А.А. Жданову. Вместо того, чтобы с научной добросовестностью и объективностью проанализировать истории болезни и другие материалы, эта комиссия, указывала газета, поддавалась влиянию сфабрикованных следствием материалов и своим авторитетом поддержала клеветнические, фальсифицированные обвинения против ряда видных деятелей медицины (при том, что следствие утаило от экспертов некоторые существенные стороны лечебной процедуры, доказывающие правильность проведения лечения) [32а].

Что касается экспертов этой “медицинско-экспертной комиссии”, которые, как говорилось в “Правде”, давали “неправильное заключение”, то установить их имена попытался историк Г.В. Костырченко. 20 октября 1952 г. Рюмин вызвал на Лубянку профессоров М.А. Соколова, В.Ф. Червакова, С.А. Гиляревского и заместителя начальника Центральной поликлиники МГБ СССР майора медицинской службы Н.Н. Купышева и предложил им провести официальную экспертизу эффективности лечения Щербакова. (По другим источникам, это были действительный член Академии медицинских наук СССР М.А. Сквира и те же зав.кафедрой судебной медицины 1-го Московского медицинского института В.Ф. Черваков, профессор-терапевт того же института С.А. Гиляревский и майор медицинской службы терапевт Н.Н. Купышева; одновременно была создана вторая медицинская экспертная комиссия в составе действительных членов Академии наук Грузинской ССР, профессоров Цинамдзгвришвили и Кипшидзе [33] – М.М.). Приглашенные медики, отлично понимая, чего от них добиваются, подготовили вскоре нужное следствие заключение. (Когда министр Игнатьев доложил Сталину, что эксперты подтверждают “преступное лечение” Щербакова, тот решился на давно обдуманый шаг – предоставил МГБ свободу действий в отношении ведущих профессоров Лечсанупра.) Впоследствии эти же люди участвовали и в других экспертизах. В частности, 21 ноября 1952 г. они подписали заключение о вредительском лечении Жданова. Однако в конце марта 1953 г. эти и другие “эксперты” отказались от своих предыдущих выводов о виновности арестованных врачей, ссылаясь на то, что их понуждало к этому следствие. [33а]. Имена других экспертов установить пока не удалось, хотя “подозреваемых” было немало, например, известный терапевт профессор А.Л. Мясников. Добавлю, что на проходившем в 1956 году в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, съезде терапевтов профессору А.Л. Мясникову был задан вопрос, не был ли он членом экспертной комиссии по “делу врачей”. Могу

засвидетельствовать, что с трибуны профессор Мясников огласил этот вопрос и ответил, что нет, он не был членом экспертной комиссии по “делу врачей”... В общем, писала “Правда” в начале апреля 1953 года, “обвинения, возведенные на целый ряд видных деятелей советской медицины, оказались полностью ложными ... Это был гнусный поклеп на честных и уважаемых людей нашего государства” [34].

Передовая статья “Правды”, отражавшая решение президиума ЦК КПСС, и, без сомнения, позицию нового высшего руководства страны по отношению к позорной провокации против медицинской интеллигенции, против всей отечественной медицины, призвана была поставить точку в одной из самых драматических и позорных историй жизни нашей страны в середине XX века.

...Со времени “дела врачей 1953 года” прошло более полувека. Другие, предыдущие “дела врачей”, другие события и факты репрессированной медицины отделились от нас еще больше. Все они были связаны с тоталитарным сталинским режимом. “Со времени “большого террора” дела врачей включались в крупнейшие политические процессы, – считает историк Р.Г. Пихоя. – Это было своего рода необходимой составной частью подготовки подобных акций сталинского Политбюро и НКВД-МГБ-МВД” [35].

Пресловутые “дела врачей” – это были не только позорные провокации против медицинской интеллигенции, аресты и расстрелы ни в чем не повинных людей: это была петля, накинутая на всю медицинскую науку и практику, на все, по существу, дело охраны здоровья. Все это – серьезный урок для настоящего и будущего: этот урок теперь принадлежит истории, прежде всего и, пожалуй, больше всего – истории медицины России.

Литература

Первое “дело врачей”

1. Правда – 1929. – 22. ноября. – С. 2.
2. Пролетарий. – Харьков., 1930. – 27 февраля. – С. 3.
3. Пролетарий. – Харьков., 1930. – 11 марта. – С. 2.
4. Луначарский А.В. //Красная панорама. – 1927. – № 9. – С. 4.
5. Крыленко Н.В. Судебные речи. – Москва, 1931. – С. 119–120.
6. Хрущев Н.С. Мемуары //Вопросы истории. – 1992. – № 1. – С. 57.
- 6а. Известия. – 1930. – 20. марта. – С. 2.
7. Известия. – 1930. – 18. апреля. – С. 4.
- 7а. Пролетарий. – Харьков, 1930. – 27. марта. – С. 2.
8. Правда. – 1930. – 15. марта. – С. 5.
- 8а. Правда. – 1930. – 14 марта. – С. 5.
9. Комсомольская правда. – 1930. – 28. марта. – С. 2.
- 9а. Берберова Н. //Дружба народов. – 1989. – № 12. – С. 107–108.
10. Пролетарий. – 1930. – 28. марта. – С. 2.
- 10а. Пролетарий. – 1930. – 27. марта. – С. 2.
11. Пролетарий. – 1930. – 17. апреля. – С. 2.
- 11а. Правда. – 1930. – 17. апреля. – С. 5.
12. Комсомольская правда. – 1930. – 28. марта. – С. 2.

- 12а. Болаболченко А. // Витчизна. – 1989. – № 11. – С. 177.
13. Известия. – 1992. – 10. июня. – С. 7.
- 13а. Известия. – 1930. – 27. марта. – С. 4.
14. Врачебная мысль. – 1931. – № 5–7. – С. 3.
- 14а. Там же. – С. 9.
15. Комсомольская правда. – 1930. – 24. апреля. – С. 1.
16. Дружба народов. – 1988. – № 4. – С. 226.

Второе “дело врачей”

1. Правда. – 1938. – 3. марта. – С. 4.
- 1а. Правда. – 1938. – 4. марта. – С. 1.
2. Правда. – 1938. – 5. марта. – С. 1.
3. Медицинский работник. – 1938. – 4. марта. – С. 1.
4. Конквест Р. Большой террор // Нева. – 1990. – № 9. – С. 130.
5. Правда. – 1938. – 9. марта. – С. 5.
6. Отечественная история. – 2003. – № 4. – С. 54.
7. Sigerist H.E., Medicine and the Health in the Soviet Union. – New York, 1947.
- 7а. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 82, опись 2, дело 964, листы 33, 26.
8. Медицинская газета. – 1988. – 29. июня.
9. Петровский Б.В. Человек медицина жизнь. – Москва. – 1995. – С. 286.
10. Большая медицинская энциклопедия. – 1 изд., т. 25. – 1933. – С. 411–412.
11. Правда. – 1938. – 12. марта. – С. 8.
12. Там же.
- 12а. Известия. – 1992. – 10. июня. – С. 7.
13. Медицинская газета. – 1988. – 22. июня.
14. Конквест Р. Большой террор // Нева. – 1990. – № 9. – С. 131–132.
15. Правда. – 1938. – 10. марта. – С. 3.
16. Правда. – 1938. – 10. марта. – С. 3.
17. Правда. – 1938. – 12. марта. – С. 7.
18. Мясников А.Л. // Д.Д. Плетнев, Избранное – Москва, 1989. – С. 314.
19. Медицинский работник. – 1938. – 4. марта. – С. 1.
20. Правда. – 1938. – 10. марта. – С. 4.
21. Правда. – 1938. – 12. марта. – С. 8.
22. Правда. – 1938. – 10. марта. – С. 4.
23. Правда. – 1938. – 10. марта. – С. 4.
24. Правда. – 1938. – 10. марта. – С. 5.
25. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. – Москва, 2001. – С. 642.
26. Медицинский работник. – 1938. – 14. марта. – С. 2.
- 26а. Советская медицина. – 1937. – № 3. – С. 47.
27. Медицинский работник. – 1938. – 14. марта. С. 1.
28. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. – Москва. – 2001. – С. 647.
29. Медицинская газета. – 1988. – 24. июня. – С. 4.
30. Известия. – 1990. – 2. августа. – С. 1.
31. Литературная газета. – 1988. – 15. июня.
- 31а. Судебный отчет по делу антисоветского “право-троцкистского блока”. – Москва, 1938. – С. 689.

Третье "дело врачей"

1. Чазов Е.И. Здоровье и власть. – Москва, 1992. – С. 9.
2. Там же. – С. 17.
3. ГА РФ, фонд 8009, опись 1, дело 1116, л. 13.
4. Там же. – л. 48.
5. Там же.
6. Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 156.
7. Миронов С.П., Перов Ю.Л., Цветков В.М., Ястребов В.М. Кремлевская медицина. – Москва, 1997. – С. 144.
- 7а. Экспонаты выставки "1953. Между прошлым и будущим". – Москва, 2003.
8. Правда. – 1953. – 13. января. – С. 4.
9. Медицинская газета. – 1988. – 15. июня.
10. Министры здравоохранения. – 1999. – С. 254.
11. Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. – Москва, 1994. – С. 338.
12. Там же. – С. 305.
13. Пыжиков А.В. Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 155–156.
- 13а. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. – Москва, 1998. – С. 88–89.
14. ГА РФ, ф. 8009, оп. 1, д. 1116, лл. 2–4.
- 14а. Костырченко Г. В плену у красного фараона. – Москва, 1994. – С. 344.
15. Хрущев Н.С. Время, люди, власть: кн.2. – Москва, 1999. – С. 772.
- 15а. Медицинский работник. – 1953. – 24. февраля. – С. 2.
16. Хрущев Н.С. Время, люди, власть: кн.2. – Москва, 1999. – С. 92.
- 16а. ГА РФ, ф. 8009, оп. 1, д. 1129, л. 94.
17. Правда. – 1953. – 20. февраля. – С. 2.
18. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. – Москва, 2001. – С. 648.
19. Нозаллер А.М. Фрагменты 20-го столетия. – Рязань, 2002. – С. 154.
20. Симонов К. Глазами человека моего поколения. – Знамя. – 1988. – № 4.
21. Хрущев Н.С. Время, люди, власть, кн.2. – Москва, 1999. – С. 93.
- 21а. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. – Москва, 1998. – С. 88.
22. Медицинская газета. – 1988. – 7. октября. – С. 4.
23. Петровский Б.В. Человек, медицина, жизнь. – 1995. – С. 286.
24. ГА РФ, ф. 8009, оп. 1, д. 1116. – л. 27.
25. Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 156.
26. ГА РФ, ф. 8009, оп. 1, д. 1116, л. 119.
27. Рапопорт Я.Л.//Медицинская газета. – 1988. – 7. октября. – С. 4.
28. Экспонат выставки "1953. Между прошлым и будущим". – Москва, 2003.
29. ГА РФ, ф. 8009, оп. 1, д. 1116, л. 120.
30. Петровский Б.В. Человек, медицина, жизнь. – 1995. – С. 287
- 30а. ГА РФ, ф. 8009, оп. 1, д. 1116, л. 148, 162.
31. ГА РФ, ф. 8009, оп. 1, д. 1116, лл. 315–324.
- 31а. Волкогонов. Триумф и трагедия: кн. 2. – 1989.
32. Экспонат выставки "1953. Между прошлым и будущим". – Москва, 2003.
- 32а. Правда. – 1953. – 6. апреля. – С. 1.
33. Исторический вестник Московской Медицинской академии им. И.М. Сеченова. – 2003. – том XVIII. – С. 90.
- 33а. Костырченко Г. В плену у красного фараона. – Москва, 1994. – С. 322.
34. Правда. – 1953. – 6. апреля. – С. 1.

Cases Against Physicians (Summary)

By Mark B. Mirsky

Such a vile notion as “physicians – assassins” emerged in the USSR in 1930 when the well-known Ukrainian professors and physicians A.G. Chernyakhovsky, A.A. Barbar, V.V. Udovenko, V.Ya. Podgaetsky and N.A. Kudritsky at the trial in Kharkov were without any reason accused of “medical terrorism” and sentenced to imprisonment: this was the first “case against physicians”.

Several years later – in 1938 in Moscow the second “case against physicians” emerged. Physicians L.G. Levin, D.D. Pletnev, I.N. Kazakov were tried together with the former members of the government N.I. Bukharin, A.I. Rykov, G.G. Yagoda (the so-called “anti-Soviet right-Trotskyist bloc”); and they were also inflicted (death penalty and 25 years of imprisonment) supposedly for the “murder” of their patients – A.M. Gorky, V.V. Kuibyshev, V.R. Menzhinsky.

The third case against physicians was fabricated in 1953 when “the terrorist group” of the well-known Moscow professors-physicians (M.S. Vovsy, V.N. Vinogradov, M.B. Kogan, B.B. Kogan, P.I. Egorov et al.) were arrested and accused of supposedly conducting “sabotage treatment of patients detriment to their health”: only the Stalin’s death discharged them from imprisonment and made it possible to dismiss the invented charges.

All three “cases against physicians” were connected with the totalitarian Stalin’s regime.

Марк Борисович Мирский, профессор

Национальный НИИ общественного здоровья РАМН

Институт Семашко

Воронцово поле 12

103064 Москва, Россия

mmark@mail.ru